

ШЕДЕВРЫ ДЕТЕКТИВА #1

# ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ НОСА ПИНОККИО

АБСОЛЮТНЫЙ ШВЕДСКИЙ  
БЕСТСЕЛЛЕР #1

Легендарный  
охотник за убийцами  
должен превзойти  
самого себя.  
Ведь ставки  
так высоки!

ЛЕЙФ Г.В. ПЕРССОН

6 миллионов экземпляров продано в Скандинавии

Комиссар Эверт Бекстрём

Лейф Перссон

**Подлинная история  
носа Пиноккио**

«Центрполиграф»

2013

УДК 821.113.6-31  
ББК 84(4Шве)

**Перссон Л. Г.**

Подлинная история носа Пиноккио / Л. Г. Перссон —  
«Центрполиграф», 2013 — (Комиссар Эверт Бекстрём)

ISBN 978-5-227-06201-7

Комиссар полиции Эверт Бекстрём приступил к расследованию убийства адвоката Томаса Эрикссона, известного сотрудничеством с местной мафией. А ровно за неделю до этого на стол комиссара попали еще два дела. Первое касалось домашнего питомца, изъятого у нерадивой владелицы по доносу соседки, которой неизвестные пригрозили смертью, если та не заберет заявление. Во втором случае, по показаниям анонимного свидетеля, высокородного аристократа избили каталогом лондонского аукционного дома Сотбис на парковочной площадке всего в сотне метров от апартаментов короля Швеции. Комиссар с командой опытных помощников выясняет, что у этих преступлений гораздо больше общего, чем район, где все произошло. В центре преступных интересов оказались редкие предметы искусства с богатой историей, которые принадлежали семье последнего российского императора и попали в Швецию вследствие брака особ королевской крови. Ставки в погоне за ценностями столь высоки, что все обманывают всех. Перед соблазном сорвать куш не устоял даже вооруженный мечом правосудия Бекстрём и параллельно с расследованием повел свою игру...

УДК 821.113.6-31  
ББК 84(4Шве)

ISBN 978-5-227-06201-7

© Перссон Л. Г., 2013  
© Центрполиграф, 2013

## Содержание

I. Лучший день в жизни комиссара Эверта Бекстрёма	7
II. Неделя перед наилучшим днем – самая обычная. С какой стороны ни посмотри	10
III. Расследование убийства адвоката Томаса Эрикссона. Начальная фаза	46
Конец ознакомительного фрагмента.	74

# **Лейф Перссон**

## **Подлинная история носа Пиноккио**

Leif GW Persson

Den sanna historien om Pinocchios näsa

© Leif GW Persson, 2013

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

\* \* \*

# 1. Лучший день в жизни комиссара Эверта Бекстрёма

## 1

Было 3 июня, но, несмотря на понедельник и то, что его разбудили среди ночи, комиссар Эверт Бекстрём все равно посчитал этот день лучшим в своей жизни. Его мобильный телефон ожил ровно в пять утра, а поскольку звонивший упрямо не сдавался, ответ на вопрос относительно его личности не отличался обилием вариантов.

– Да-а, – буркнул Бекстрём.

– У меня есть для тебя убийство, – сообщил дежурный из полиции Сольны.

– В такое время, – проворчал комиссар. – Наверное, это король или премьер-министр?

– Да, пожалуй, еще лучше.

Его коллега с трудом сдерживал восторг.

– Я слушаю.

– Томас Эрикссон, – сообщил дежурный.

– Адвокат, – сказал Бекстрём, не сумев толком скрыть удивления.

«Ничего себе, – подумал он. – Это слишком хорошо, чтобы быть правдой».

– Прямо в точку. Помня обо всех трениях между вами, я хотел первым сообщить тебе эту новость. Мне позвонил Ниemi из технического отдела и попросил разбудить тебя. В общем, прими мои поздравления, Бекстрём. Да и всего нашего участка тоже. Тебе крупно повезло.

– Насколько точно речь идет об убийстве? И действительно ли жертва именно Эрикссон?

– На сто процентов, если верить Ниemi. Бедняге, конечно, здорово досталось, но это, безусловно, он.

– Постараюсь не разрыдаться от горя, – пробурчал Бекстрём.

\* \* \*

«Лучший день в моей жизни», – сказал он себе, закончив короткий разговор. От сна не осталось и следа, полная ясность в голове. В день вроде этого требовалось по максимуму использовать всю малость, оставшуюся от него. Не теряя ни секунды.

Он надел халат, пошел в туалет и стравил давление. Это давно уже вошло у него в привычку и стало рутиной: опустошить мочевой пузырь перед сном и как только встал, совершенно независимо от необходимости и от того, как его страдающее простатитом мужское окружение, похоже, тратило большую часть своего свободного от сна времени.

«Ну и напор, просто как из брандспойта, – самодовольно отметил Бекстрём, крепко держа свою суперсалями правой рукой и чувствуя, как резко понижается уровень жидкости в его вместительном нижнем отсеке. – Самое время восстановить баланс». И в качестве последней меры несколько раз встряхнул свой прибор, стараясь удалить остатки накопившейся в организме за ночь влаги.

А потом направился напрямиком на кухню приготовить себе полноценный завтрак. По-настоящему плотный, с толстыми ломтиками датского бекона, четырьмя жареными яйцами, тостами с маслом и приличным количеством клубничного мармелада, со свежавыжатым апельсиновым соком и большой чашкой крепкого кофе с горячим молоком. Расследование серьезного преступления было не тем делом, которым занимаются на пустой желудок, а частые неудачи его худых и недалеких коллег, питающихся исключительно морковью и овсяными отрубями, служили прекрасным тому подтверждением.

Сытый и довольный, Бекстрём пошел в ванную комнату и, хорошенько растерев тело мочалкой, долго стоял под душем, пока теплые струи воды смывали остатки мыла с его округлого крепко сложенного тела. Он насухо вытерся полотенцем и побрился обычным станком, обильно намылив щеки и подбородок специальной пеной. А в довершение всего почистил зубы электрической щеткой и, на всякий случай, прополоскал горло эликсиром с освежающим эффектом.

И только покончив со всеми этими предварительными процедурами и источая приятные запахи дезодоранта и прочих похожих средств, использованных на заключительной стадии каждой из них, Бекстрём оделся со всей тщательностью. В желтый льняной костюм, голубую льняную рубашку, черные итальянские ботинки ручной работы, и вдобавок сунул пестрый шелковый платок в нагрудный карман пиджака в качестве последнего привета своей дорогой жертве убийства. В такой день нельзя было пренебрегать ни одной деталью, и поэтому он в честь праздника поменял свой обычный стальной «ролекс» на золотой, полученный в подарок на Рождество от одного благодарного знакомого, которому он помог справиться с небольшой проблемой.

Уже на пути к выходу перед зеркалом в прихожей он в последний раз окинул себя придирчивым взглядом и проверил, все ли на месте: золотой зажим для купюр с соответствующим количеством наличности и маленькая визитница из крокодиловой кожи в левом кармане брюк, связка ключей и мобильник в правом, черная записная книжка с ручкой, прикрепленной с тыльной стороны обложки в левом внутреннем кармане пиджака, и лучший друг, малыш Зигге в ножной кобуре на щиколотке с внутренней стороны левой ноги.

Бекстрём кивнул одобрительно самому себе и сделал самое важное. Принял умеренную порцию солодового виски из хрустального графина, стоявшего здесь же на столе. А когда приятное послевкусие улеглось, сунул в рот две ментоловые пастилки и еще целую горсть бросил на всякий случай в боковой карман пиджака.

Когда он вышел на улицу, солнце вовсю светило с безоблачного неба, и пусть июнь только вступил в свои права, даже в такую рань воздух уже прогрелся до двадцати градусов. Первый по-настоящему летний день, и это точно соответствовало его настроению.

Дежурный полицейского участка Сольны отправил за ним патрульную машину с двумя худыми и прыщавыми юнцами, явно не отличавшимися большим умом. К счастью, по крайней мере, один из них, сидевший за рулем, понимал, как принято вести себя со старшим по званию. Во всяком случае, он подвинул свое кресло вперед, чтобы Бекстрём смог с комфортом разместиться на заднем сиденье и не помял свои отлично отутюженные брюки, а потом попробовал завести разговор.

– Доброе утро, шеф, – сказал он и кивнул вежливо. – Неплохой денек намечается.

– Похоже, погода будет на загляденье, – констатировал его коллега. – Приятно встретиться с комиссаром, кстати.

– Ольстенсгатан, 127, – буркнул Бекстрём, кивнул коротко и, чтобы пресечь дальнейший обмен мнениями, демонстративно достал свою записную книжку и сделал в ней первую запись служебного характера. «Комиссар Эверт Бекстрём покинул свой дом на Кунгсхольмене в 07.00 и поехал на место преступления», – написал он, однако его уловка явно не сработала, поскольку еще до того, как они повернули на Фридхемсгатан, болтовня возобновилась.

– Странная история. По словам дежурного, Томас Эрикссон, наш убитый, вроде был адвокатом. – Водитель кивнул, а потом продолжил: – Это ведь, наверное, необычно. Когда убивают адвоката, я имею в виду.

– Да, подобное почти никогда не случается, – согласился его коллега.

– Это уж точно, – подал голос Бекстрём. – К сожалению, такое происходит слишком редко.

«Еще два полных идиота. Откуда они берутся? Почему никогда не кончаются? И почему им всем обязательно надо становиться полицейскими?»

– А может, покойный впутался в какое-нибудь дерьмо? Он же был адвокатом, подобное для них в порядке вещей, верно?

Сейчас свободный от руля патрульный обернулся и обращался прямо к Бекстрёму.

– Как раз над этим я собирался поразмыслить, – ответил Бекстрём спокойно. – Пока вы везете меня до места преступления на Ольстенгатан. В тишине.

«Ну наконец, – подумал он десять минут спустя, когда они остановились перед большой белой каменной виллой в стиле пятидесятых годов с собственным участком берега, лодочным сараем и уходящим далеко в озеро Меларен причалом, который наверняка стоил его владельцу больше, чем мог заработать без вычета налогов обычный полицейский за всю свою жизнь. – Не самое плохое место преступления. И чем, интересно, занимался этот идиот в своей хибаре в такое время?»

В основном все выглядело как обычно в подобной ситуации. Сине-белая оградительная лента, помимо принадлежащего вилле земельного участка захватившая еще приличный кусок улицы с обеих сторон от дома. Две патрульные машины и микроавтобус полиции правопорядка и конечно же три автомобиля криминального отдела. Слишком много томящихся от безделья коллег, большая часть которых просто составляли компанию тем, кто приехал раньше. Несколько журналистов в сопровождении фотографов и, по крайней мере, один оператор какого-то телеканала. Плюс десяток местных зевак, значительно лучше одетых по сравнению с традиционной публикой того же сорта, притом что на удивление многие из них имели с собой одну или даже нескольких собак самого разного размера.

Правда, выражение глаз у них было абсолютно таким же, как и у их менее обеспеченных собратьев. С толикой страха в самой глубине, но главным образом с надеждой на то, что если сейчас и случилось самое худшее, то оно все равно никоим образом не затронуло их.

«Бывают же такие дни, – подумал Бекстрём. – Целая жизнь ничто без них. И даже если этот день единственный».

Он вышел из машины, кивнул своему прыщавому водителю и его столь же прыщавому напарнику, покачал головой стервятникам из средств массовой информации и взял курс на входную дверь дома, который еще несколько часов назад принадлежал убитому. Это была не первая прогулка по такому делу в его жизни, и наверняка не последняя, но как раз сейчас она дорого стоила, и, будь здесь один, Бекстрём не сдержался бы и пустился бы в пляс, поднимаясь по лестнице в жилище жертвы.

## **II. Неделя перед наилучшим днем – самая обычная. С какой стороны ни посмотри**

### **2**

Понедельник 27 мая, ровно за неделю до того дня, которому предстояло стать лучшим в его жизни, выдался самым обычным, даже чуть хуже любого заурядного понедельника, и начался он совершенно непостижимым образом даже для такого умного и искушенного человека, как Бекстрём.

В буквальном же смысле речь шла о двух делах, по непонятной причине попавших на его стол. И первое касалось бедолаги-кролика, изъятого у нерадивого владельца по решению правления Стокгольмского лена. А второе – вроде бы приличное и имевшее отношение ко двору господина, по показаниям анонимного свидетеля, избитого каталогом лондонского аукционного дома Сотбис, в довершение всего еще и на парковочной площадке перед дворцовым комплексом Дроттнингхольм, всего в сотне метров от апартаментов его величества короля Швеции Карла XIV Густава в такое время, когда тот обычно почивал.

Комиссар Эверт Бекстрём уже несколько лет возглавлял отдел насильственных преступлений не самого маленького по размерам Вестерортского полицейского округа. Триста пятьдесят квадратных километров суши и воды между озером Меларен на западе и заливами Эдвикен и Сальтшён на востоке. Между заставами центра Стокгольма на юге и Якобсбергом и внешними шхерами озера Меларен на севере. И если бы дело происходило в США, где обычные люди имеют право голоса, Бекстрём, естественно, стал бы их всенародно выбранным шерифом.

Сам он привык думать об этом анклав, как о своем собственном королевстве с тремястами пятьюдесятью тысячами жителей. Из коих самыми важными были его величество король, проживавший со своим семейством во дворцах Дроттнингхольм и Хага, и, кроме того, дюжина миллиардеров и несколько сотен миллионеров. Вместе с тем в нем также обитали несколько десятков тысяч тех, кому приходилось существовать на пособие или даже нищенствовать и совершать преступления, чтобы хоть как-то сводить концы с концами. Плюс все обычные люди, конечно, просто сами заботившиеся о себе, зарабатывавшие своим трудом на хлеб насущный и не причинявшие никому беспокойства той жизнью, которую вели. В любом случае редко придумывавшие что-то такое, из-за чего сведения о них могли попасть на письменный стол Бекстрёма в большом здании полиции в Сольне.

Хотя, к сожалению, не все проживавшие там столь же чтители закон, как они. В результате за год в его округе накапливалось почти шестьдесят тысяч заявлений о различных правонарушениях. И пусть большинство из них, конечно, составляли обычные кражи, акты вандализма и прегрешения, связанные с наркотиками, это все равно нисколько не радовало. Если же говорить о преступности Вестерорта в целом, она охватывала всю социальную шкалу. Начиная от горстки гангстеров, за один раз зарабатывавших сотни миллионов на финансовых аферах и по традиции ходивших в костюмах в вертикальную полоску, и заканчивая тысячами мелких воришек, тыривших в местных торговых центрах всякую ерунду вплоть до пива и таблеток от головной боли.

Так обстояли дела с темной стороной жизни в его вотчине, однако с большинством из ее проявлений все было столь хорошо, что они оставляли Бекстрёма равнодушным. Ведь всю свою жизнь в качестве полицейского он занимался тяжкими насильственными преступлени-

ями. А поскольку убийств, изнасилований и ограблений всегда хватало, собирался делать это до самой пенсии. Плюс на нем еще висели всякие придурки вроде пироманов, педофилов и прочей шушеры, включая даже того или иного эксгибициониста или любителя заглядывать в чужие окна, которому, пожалуй, в каком-то случае могло взбрести в голову перейти к реальным действиям. Поэтому с работой порой зашкаливало. И чтобы справиться с ней в меру достойно, Бекстрёму требовалось в первую очередь уметь отличать большое от малого. И в понедельник, за неделю до лучшего дня своей жизни, он, к сожалению, не слишком в этом преуспел, пусть вроде ничто не предвещало беды и все началось как обычно.

А именно с традиционного для подразделения Бекстрёма первого за неделю утреннего совещания. На нем подводили итоги всего человеческого зла, случившегося на предыдущей неделе, настраивались выложиться с полной отдачей до новых выходных и обсуждали тот или иной старый случай, который в силу его значимости нельзя было просто отправить в архив и перестать думать о нем.

И там, как обычно, присутствовали все его помощники в количестве двух десятков человек. Крайне пестрая компания, где только один умел держать язык за зубами и вполне мог действовать самостоятельно. Еще полдюжины, правда, по крайней мере, делали то, что он им говорил. С остальными же все обстояло достаточно плохо, и не будь сильной руки Бекстрёма и его четкого руководства, умения отличить большое от малого, на торжество закона не стоило бы и рассчитывать.

Но сейчас наступила новая неделя, все опять собрались на традиционную встречу, и для комиссара Бекстрёма пришло время снова поднять меч правосудия, а всякую ерунду вроде Госпожи Фемиды с ее весами он предпочитал оставлять чистоплюям и бумажным душам из руководства.

### 3

– Добрый день и садитесь, – сказал Бекстрём, опустившись на свое обычное место с торца длинного стола для совещаний.

«Лентяи и пустоголовые дьяволы, – констатировал он, окинув взглядом своих подчиненных. – Еще только утро, а их уже клонит ко сну, и перед ними значительно больше кофейных чашек, чем приготовленных блокнотов и ручек. Что происходит с нашей полицией? И куда, собственно, подевались толковые старые констебли вроде меня?»

Потом он передал слово своей ближайшей помощнице, инспектору Аннике Карлссон тридцати семи лет. Внушающей многим ужас личности, выглядевшей так, словно она проводила большую часть своего времени в тренажерном зале, размещенном в подвале здания полиции Сольны. Наверняка в том или другом хитром подвальчике, где располагались ночные, злачные заведения тоже, но о подобном он предпочитал не думать.

Она, однако, имела одно явное преимущество. Никто из прочих не осмеливался открыть рот, стоило ей получить слово, и поэтому у нее не заняло много времени пройтись по списку всего случившегося на предыдущей неделе и в выходные. Раскрытого и нераскрытого, успехов и неудач, плюс по новым данным, полученным из самых разных источников, а также заданиям и командировкам, ожидавшим их в ближайшее время. И естественно, она также ознакомила сотрудников отдела со всякой ерундой административного и прочего характера, которую остальным требовалось знать по долгу службы.

И все у нее прошло как по нотам менее чем за час. И в качестве последнего аккорда она даже смогла рассказать, что убийство, случившееся трое суток назад, уже раскрыто, подозреваемый признался и все материалы отправились к прокурору.

Их преступник оказался обычным, не слишком настроенным отпираться пьяницей. Вечером в пятницу он и его дорогая супруга поссорились из-за того, какую телевизионную про-

грамму им смотреть. Тогда он отправился на кухню, принес разделочный нож и положил конец дискуссии. А потом позвонил в дверь соседу, чтобы позаимствовать его мобильник и вызвать скорую.

Сосед, однако, уперся. Отказался открывать, памятуя опыт их прежнего общения, и взамен позвонил в полицию. Первый патруль прибыл на место уже через десять минут, но когда коллеги из службы правопорядка попали в квартиру, вопрос о медицинской помощи уже потерял актуальность. Взамен они надели наручники на новоиспеченного вдовца и вызвали экспертов и следователей, чтобы те взяли на себя более тонкую часть полицейской работы.

Уже утром следующего дня ближайший родственник жертвы признался. Конечно, он не помнил всех деталей, за вечер ведь всякого хватало, но в любом случае хотел объяснить им, что уже начал скучать по своей супруге. Конечно, она была строптивой и злопамятной, и жить с ней врагу не желаешь (прежде всего, поскольку она чертовски пила), но, несмотря на все ее пороки и недостатки, он, по его словам, уже затосковал по ней.

– Спасибо за доклад, – довольно сказал Бекстрём и, вероятно, как раз в это мгновение, когда его настроение находилось на пике, все и пошло наперекосяк. Ведь вместо того, чтобы просто закончить встречу, молча отправиться в свой служебный кабинет и вовремя приготовиться к ожидавшему его обеду, он кивнул дружелюбно своей помощнице и задал ошибочный вопрос: – Тогда мы, наверное, по большому счету, закончили? Или у тебя есть еще что-нибудь, прежде чем мы займемся рутинной полицейской работой?

– У меня есть два дела, – сообщила Анника Карлссон. – Несколько необычного свойства.

– Я слушаю. – Бекстрём кивнул ободряюще. Даже не подозревая, о чем пойдет речь.

– Хорошо, – продолжила Анника Карлссон и по какой-то причине пожала широкими плечами. – И первое из них касается кролика, по крайней мере, сначала, если можно так сказать.

– Кролика? – переспросил Бекстрём. «О чем, черт возьми, она говорит?»

– Кролика, которого забрало правление лена, поскольку владелец плохо с ним обращался, – пояснила она.

– И что, черт возьми, под этим подразумевается? – уточнил Бекстрём. – Наш преступник засунул его в микроволновку?

«Так ведь, наверное, все будущие серийные убийцы начинали свою карьеру. Поджаривая живьем длинноухих и засовывая котлов в барабан сушильной машины? Что ж, чем дальше, тем интереснее», – подумал он, и, судя по выражениям лиц всех присутствующих в комнате, не один придерживался такого мнения. Сейчас они как бы очнулись от спячки и с интересом смотрели на Карлссон, а от скучающих мин, с которыми они внимали ее рассказу о двуногих жертвах преступления и их страданиях, не осталось и следа.

– Нет, – ответила Анника Карлссон и покачала головой. – Боюсь, это гораздо более грустная история.

#### 4

– Наш преступник – семидесятитрехлетняя женщина. Госпожа Астрид Элизабет Линдерот 1940 года рождения, – начала Анника Карлссон. – Одинокая бездетная вдова уже пять лет, проживает в собственной квартире в Фильмстадене в Сольне. Чисто из любопытства я пробила ее. Хорошее финансовое положение, помимо всего прочего она, похоже, получает приличную добавку к пенсии за своего мужа и ранее не судима. Ничем у нас не отметилась. Сегодня ее обвиняют в жестоком обращении с животными, плюс кое в чем другом, произошедшем на прошлой неделе. И если ты спросишь меня, то именно из-за последних событий она и попала в поле нашего зрения, поскольку там речь идет о серьезных преступлениях.

– И что же она натворила? – спросил Бекстрём.

– Соппротивление властям, насилие в отношении сотрудника при исполнении, попытка нанесения телесных повреждений, два случая угрозы насилием.

– Но подожди, – остановил ее Бекстрём. – Ты же вроде сказала, что тетке семьдесят три года.

– Так и есть, – подтвердила Анника Карлссон. – Это пожилая дама, поэтому и история крайне печальная. Если ты готов слушать, я коротко введу тебя в курс дела.

– Рассказывай, – милостиво разрешил Бекстрём и выпрямился на своем стуле.

Примерно месяцем ранее правление Стокгольмского лена постановило отобрать кролика у указанной дамы. И поводом для такого решения стало заявление в полицию, написанное ее соседкой за четырнадцать дней до того, как местные власти вынесли свой вердикт. Ни о каком жестоком обращении с животным там, похоже, и речи не шло. Скорее о плохом отношении и недостаточной заботе. Как-то владелица кролика уехала на несколько дней и забыла оставить ему еду, в результате чего бедняге пришлось голодать до ее возвращения. А несколько раз он оказывался на лестнице, поскольку хозяйка забывала закрыть дверь своей квартиры, и он, воспользовавшись случаем, выбирался наружу. И однажды его покусала соседская такса.

– Мне пришло в голову, что владелица кролика, пожалуй, значительно старше, чем указано во всех документах, – сказала Анника Карлссон и по какой-то причине покрутила указательным пальцем у своего виска. – Исходные данные вообще пришли от наших коллег из Сити, из новой группы по защите животных. Там, похоже, действовали необычайно быстро и отчасти, наверное, по той причине, конечно, что госпожа Линдерот уже в январе подвергалась подобным мерам. Тот же заявитель, то же решение со стороны правления, хотя тогда речь вроде шла о хомяке.

– Старуха, похоже, идет по возрастающей, – усмехнулся Бекстрём. Он удобно откинулся на спинку стула и внезапно пришел в отличное расположение духа.

– По возрастающей? О чем ты?

– Ну, кролик ведь наверняка в два раза больше хомяка, – объяснил Бекстрём. – В следующий раз она, пожалуй, притащит домой слона. Откуда мне знать? Хотя я по-прежнему не понимаю, почему мы должны заниматься ее историей.

– Тогда я должна объяснить это, – сказала Анника Карлссон. – Во вторник на прошлой неделе, то есть 21 мая, когда двое наших коллег из группы защиты животных вместе с двумя чиновниками из правления лена собирались выполнить решение о том, чтобы забрать кролика из квартиры госпожи Линдерот, она сначала отказалась открывать. После долгих уговоров в конце концов чуточку приоткрыла дверь, однако, оставив ее на цепочке и просунув в щель пистолет, приказала им немедленно исчезнуть. Коллеги отступили и вызвали подкрепление.

– Из национального спецподразделения? – Бекстрём с интересом посмотрел на Аннику Карлссон.

– Нет, вынуждена тебя разочаровать. Мы отправили туда одну из наших патрульных машин. Одна из наших коллег знает госпожу Линдерот – она с ее матерью старые приятельницы, и после продолжительных переговоров открыла дверь и впустила их. Конечно, возмущалась, но, во всяком случае, особо не буйствовала. Пистолет оказался антикварным, восемнадцатого столетия. Если верить коллегам, он не был заряжен, и, по-видимому, из него не стреляли последние двести лет.

– Вот оно как, – разочарованно произнес Бекстрём.

– Это еще не конец. – Анника Карлссон покачала головой.

– Можно себе представить, – буркнул Бекстрём.

– И все было нормально, пока женщина-ветеринар из правления лена не стала засовывать кролика в клетку. Тогда госпожа Линдерот вооружилась чайником и начала угрожать ей. Ее

обезоружили, посадили на диван, коллеги из Сити и оба чиновника покинули квартиру, прихватив с собой живность. А наши собственные коллеги остались и поговорили с ней. Согласно рапорту, она была спокойна и держала себя в руках, когда они уходили.

– Приятно слышать, – кивнул Бекстрём. – Простой вопрос. Откуда появились обвинения?

– От коллег из Сити, – сообщила Карлссон. – На следующий день. Они написали заявление от своего имени и от лица составлявших им компанию чиновников. Неподчинение властям, насилие в отношении сотрудников при исполнении, угрозы насилием, попытка нанесения телесных повреждений. Всего двенадцать различных правонарушений, если я правильно посчитала.

– Теперь все понятно, – усмехнулся Бекстрём. – Старуха ведь представляет угрозу всем нашим социал-демократическим ценностям. Самое время посадить ее в тюрьму.

– Я услышала тебя, понимаю, что ты имеешь в виду, и не вижу никаких проблем. Но мне не нравится заявление об угрозе, которое мы получили в четверг вечером. Оно поступило непосредственно в наш участок. Заявитель сам приходил к нам. Разговаривал с сотрудниками дежурной части.

– Давай я догадаюсь. Коллеги из кролико-хомячкового отдела захотели дополнить что-то, о чем забыли?

– Нет. – Анника Карлссон покачала головой. – Заявитель – соседка госпожи Линдерот. Она живет в том же доме, хотя и на пятом этаже. А наша преступница на самом верху, на восьмом. И именно эта соседка писала заявления на Линдерот, обвиняя ее в плохом обращении и с хомяком, и с кроликом, если тебе интересно. Кроме того, она несколько раз жаловалась в правление квартирного товарищества, но это уже другая история.

– И кто же она?

– Одинокая женщина. Сорок пять лет. Работает на полставки секретарем в компьютерной фирме в Щисте. Никаких замечаний по нашему ведомству. Большую часть своего времени, похоже, тратит на различную общественную деятельность. Помимо всего прочего является пресс-секретарем организации «Защитим наших братьев меньших». Это, очевидно, какая-то радикальная группа, отколовшаяся от «Друзей животных». Там она раньше заседала в правлении, кстати.

– Можно себе представить. И у нее есть имя?

– Фриденсдаль, Фрида Фриденсдаль. Фриденсдаль<sup>1</sup> с «с» посередине. Она сама взяла его себе, а при рождении ее называли Анной Фредрикой Валгрэн, если тебе интересно.

– Но, черт побери... – Бекстрём почувствовал, как его давление резко пошло вверх. – Ты же сама видишь, Анна. Фрида Фриденсдаль с «с» посередине плюс «защитим наших братьев меньших». Она ведь чокнутая. Что значит – защитим наших братьев меньших? Она болеет душой и за вшей, и за тараканов?

– Я понимаю ход твоих мыслей, и тоже так подумала. Именно поэтому сама допросила ее. Еще в пятницу, у нее на работе, поскольку она отказалась приходить к нам в участок, чтоб ты знал. Если верить ее утверждениям, она не осмеливается больше жить дома. По ее словам, боится за свою жизнь, и пока переехала к подруге. Но как зовут подругу и ее адрес, говорить не хочет. Вроде бы как не осмеливается. Не верит, что полиция сумеет ее защитить. И подруга тоже, конечно. Последняя вообще якобы была замужем за полицейским, и тот избивал и насиловал ее.

– Можно себе представить, – ухмыльнулся Бекстрём.

– Знаешь, я не думаю, что она придумала все, о чем говорит. Если, конечно, не принимать во внимание те или иные преувеличения, какие мы с тобой и нам подобные давно привыкли пропускать мимо ушей. Она действительно боится. За свою жизнь просто-напросто. А если

---

<sup>1</sup> В дословном переводе со шведского «долина покоя». (Примеч. пер.)

говорить об угрозе, про которую она рассказывает, там все не слишком хорошо. Чистая статья уголовного кодекса, вне всякого сомнения.

– Вот как, – сказал Бекстрём. – И что произошло?

«Я просто сгораю от любопытства, – подумал он. – Можно что угодно говорить о коллеге Карлссон, но ее не легко напугать».

– Я сейчас расскажу, но у меня не укладывается в голове другое.

– А именно?

– Я и представить себе не могу, чтобы то, о чем идет речь, исходило от старой госпожи Линдерот. Это уж чересчур для приятной пожилой дамы. Просто невозможно поверить, но, по словам Фриденсдаль, та на сто процентов уверена, что именно соседка стоит за угрозами в ее адрес.

– Ладно – сдался Бекстрём. – Я слушаю.

## 5

В четверг Фрида Фриденсдаль оставила свое рабочее место в Щисте в пять часов вечера, спустилась в гараж, села в автомобиль и взяла курс на торговый центр Сольны, чтобы купить все необходимое на выходные. Закончив с этим, она поехала домой в Фильмстаден, намереваясь немного перекусить, посмотреть телевизор, а потом лечь спать.

– Согласно ее данным, она оказалась у себя в квартире примерно в четверть седьмого. Приготовила еду, поговорила с подругой по телефону. Села смотреть новости по телевизору и вдруг услышала звонок в дверь. По ее мнению, на часах было чуть больше половины восьмого.

– Она заперлась изнутри, когда пришла? – спросил Бек-стрём, уже сумев просчитать дальнейший ход событий.

– Да, дверь была заперта. Сначала она посмотрела в глазок, поскольку не ждала посетителей, а незнакомым людям предпочитает не открывать. Снаружи стоял мужчина в синей куртке того рода, какие носят посыльные, с большим букетом в руке. Она решила, что он доставил ей цветы по чьему-то заказу. И открыла.

– Они никогда ничему не учатся, – прокомментировал Бек-стрём.

– Потом все, очевидно, происходило очень быстро. Он входит в квартиру. Кладет цветы на столик в прихожей. Смотрит на нее, прикладывает палец к губам, призывая к молчанию, но ничего не говорит. Потом показывает на диван в гостиной. Она идет туда и садится. И сама описывает свое состояние так, словно внезапно почувствовала пустоту внутри, страх за жизнь. У нее и мысли не возникло закричать. Перехватило дыхание, и она даже не осмелилась поднять на него глаза. Чуть не лишилась чувств, бедняга.

– И в чем же состояло послание?

– Сначала он вообще не произносил ни слова. Просто стоял там, а потом заговорил совсем тихо, почти дружелюбно, как бы уговаривая, если можно так сказать. Работающий телевизор мешал ей разбирать слова. Но речь шла о трех вещах. Во-первых, он и она никогда не встречались. Во-вторых, она никогда больше ничего не скажет об Элизабет, а если ее все-таки спросят, то ей нужно только хвалить соседку и особенно превозносить ее любовь к животным, рассказывать, как хорошо она заботится о них. В-третьих, он сейчас уйдет. А она должна сидеть на диване еще четверть часа после того, как дверь закроется за ним, и никому ни звука не скажет о том, что сейчас происходит.

– Элизабет? Он назвал госпожу Линдерот Элизабет? Она абсолютно уверена в этом?

– На сто процентов.

Инспектор Анника Карлссон кивнула в подтверждение своих слов.

– Он сказал еще что-нибудь?

«Дрянное дельце!» – подумал Бекстрём.

– Да, к сожалению. Покончив со вступительной частью, которую я сейчас описала, он достал выкидной нож или стилет. Потерпевшей показалось, словно нож неожиданно появился у него в руке. Мужчина просто тряхнул правой рукой, и вот он уже стоит с ним. И, на мой взгляд, речь идет о выкидном ноже или стилете. По ее словам, он был в черных перчатках. Вообще она только тогда и заметила перчатки у него на руках и, если верить ей, уже не сомневалась в его намерениях убить или изнасиловать ее.

– Но он не сделал этого.

– Нет, просто улыбнулся ей. Посмотрел на нее и сказал, что, если она не последует его добрым советам, ей мало не покажется. Он по-прежнему сжимал нож в руке, так что смысл его послания был вполне понятен. Потом он ушел. Забрал цветы по пути. Захлопнул дверь и исчез, словно его и не было. Никаких свидетелей. Никто ничего не видел и не слышал.

– А она сама не могла все придумать?

– Ты бы видел или слышал ее. Этого хватило за глаза, чтобы убедить меня.

– А что было потом?

– Она сидела на диване и дрожала, пока не смогла хоть как-то взять себя в руки. Тогда сразу бросилась звонить подруге, той самой, с которой разговаривала около семи часов. Когда она набирала номер, было, согласно ее мобильному, двадцать одна минута девятого вечера. Подруга пришла, забрала ее, и они вместе приехали к нам и написали заявление. Его приняли в четверть десятого.

– А что подруга? Ты разговаривала с ней?

– Нет, потерпевшая отказывается сообщить ее имя. Та сидела на допросе в качестве свидетеля для моральной поддержки, и тогда она назвалась Лизбет Юханссон и даже дала номера своих телефонов. Домашнего и мобильного. Но, к сожалению, все оказалось вымыслом. Именно она, подруга, якобы была замужем за полицейским, который избивал и насиловал ее. Я, естественно, спросила нашу потерпевшую, почему она или они обе поступают таким образом. По ее словам, ни одна из них не доверяет полиции.

– Есть описание внешности того типа? Она смогла составить нечто подобное?

«Отказывается говорить, как ее зовут и где они живут, но защищать-то мы их должны, – подумал Бекстрём. – Вот лесбиянки чертовы!»

– Да, и по-настоящему хорошее. К сожалению, оно подходит слишком многим, кто трудится на данном поприще. Преступник был одет в темные брюки и короткую синюю куртку с капюшоном из напоминающего нейлон материала. Никаких наклеек или надписей на ней не было, и по данному пункту у нее нет сомнений. Черные перчатки. Однако относительно обуви она не столь уверена. Как ей кажется, речь идет об обычных спортивных туфлях, кроссовках. Белые тенниски, как она говорит. Ростом он примерно метр девяносто. Крепко сложенный, хорошо тренированный, выглядит сильным. Худое, овальной формы лицо с четко выраженными чертами, коротко подстриженные черные волосы, темные, глубоко посаженные глаза, характерный слегка согнутый нос, выступающий подбородок, на щеках трехдневная щетина. Говорит на идеальном шведском без акцента, никакого запаха табака, пота или парфюма. Ему между тридцатью и сорока.

Анника Карлссон делала пометки в своих записях, пока говорила.

– Вот в принципе и все. Я собиралась приготовить подборку фотографий и предложить потерпевшей взглянуть на них. Если она согласится на новый допрос. Как только мы закончим совещание, вы получите и само заявление, и распечатку нашей с ней переписки по электронной почте.

– Замечательно, – сказал Бекстрём и на всякий случай поднял руку с целью предупредить возможные вопросы и пустую болтовню. – Если ты позаботишься о ней, я возьму на себя то, что наши коллеги из Сити нам навязали. Остается второе, – продолжал он. – По твоим словам, у тебя было два дела. И о чем там речь?

«Лучше сразу разобраться и с ним», – решил он.

– Конечно, – сказала Анника Карлссон и отчего-то поджала губы. – Хотя, по-моему, пусть лучше Йенни представит его нам. Она занималась им.

Йенни, подумал Бекстрём. Йенни Рогерссон, его последнее приобретение и самая молодая сотрудница, которую он лично завербовал в свой отдел. Блондинка с длинными волосами, белоснежной улыбкой и шикарным декольте. Единственная отдушина в том дурдоме, где ему приходилось проводить свои серые будни. Услада его глаз и бальзам души, будоражившая его фантазию и дарившая надежду на другой и гораздо лучший мир даже в такой понедельник, как этот.

## 6

– Спасибо, Анника. – Йенни Рогерссон склонилась над стопкой бумаг, лежавшей перед ней на столе.

– Я слушаю, – бросил Бекстрём коротко.

«Здесь ведь я отдаю приказы, если кто-то забыл».

– Спасибо, шеф, – сказала Рогерссон. – Да, если начинать с заявления о преступлении, то оно поступило в прошлый понедельник, 20 мая, во второй половине дня. Его оставили у дежурного, но, кто именно, неясно, поскольку там тогда хватало народа. Кому-то требовалась помощь с паспортом, другим с чем-то иным. Заявление анонимное. Письмо адресовано нашему участку, и в самом верху на нем указан адресат. Я цитирую: «В криминальный отдел полицейских властей Сольны». Ниже в качестве заголовка, я также цитирую: «Заявление об избиении на парковочной площадке около дворца Дроттнингхольм в воскресенье 19 мая сразу после одиннадцати часов вечера». Конец цитаты. Само событие, следовательно, произошло предыдущим вечером. Вот и все, что пока можно сказать об этом.

И.о. инспектора Йенни Рогерссон кивнула в качестве подтверждения своих слов.

– И о чем там речь? – проявил нетерпение Бекстрём.

– Это длинный рассказ, почти на двух страницах, где заявительница описывает случившееся. Он напечатан на компьютере, хорошо сформулирован, никаких грамматических ошибок, хотя, пожалуй, немного путанный. И в конце заявительница говорит, что хотела бы остаться анонимной, но уверяет в правдивости всей истории.

– Она? С чего ты взяла, что речь идет о женщине? – спросил Бекстрём.

«Боже, какие у Йенни буфера, – подумал он и положил ногу на ногу на случай, если его суперсалями сейчас зашевелится. – Плюс еще маленький черный топик, удерживающий их вместе. С ума сойти!»

– Я так подумала. На мой взгляд, это явно читается между строк. Помимо всего прочего, она мимоходом упоминает своего умершего мужа. Пожилая образованная женщина, вдова, которая вдобавок живет очень близко к дворцу. Я почти на сто процентов уверена в этом, и, если шеф хочет, могу привести несколько примеров, – сказала Йенни Рогерссон и улыбнулась Бекстрёму, обнажив белые зубы.

– Расскажи, что произошло, – попросил Бекстрём.

«О господи», – взмолился он, поскольку его суперсалями определенно обнаружила, куда устремлены все мысли комиссара, и явно пыталась превратить хорошо отутюженные брюки черт знает во что.

– По данным заявительницы, она совершала обычную вечернюю прогулку со своей собакой. Шла в юго-восточном направлении через ту часть парка, которая находится совсем близко к дворцовой ограде и, приблизившись к парковочной площадке, услышала возбужденные голоса двух мужчин. Они стояли с северной стороны около теннисных кортов и разбирались между собой. Один из них был особенно возмущен, он кричал и ругался на другого.

– Я слушаю, – сказал Бекстрём и подвинул свой стул вперед, так что его суперсалями оказалась под поверхностью стола.

– Да, скандалист стоял рядом с припаркованным автомобилем, но какой тот марки она не знает. Единственно, если верить ей, черный и на вид дорогой – БМВ, «мерседес» или нечто похожее. Но вообще там не было больше никаких людей и других машин тоже. Услышав спорящих мужчин, она остановилась и, если я правильно все поняла, стояла под защитой ограждения теннисного корта на расстоянии примерно тридцати метров от беспокойной парочки. Чтобы они не обнаружили ее, значит.

– О'кей, о'кей, – пробормотал Бекстрём, ощущая все большую потребность на что-нибудь переключить свои мысли с глубокой впадины между грудями Йенни Рогерссон. Особенно когда она сейчас повернулась к нему, до минимума сократив расстояние между ними. – Поправь меня, если я ошибаюсь, – продолжил Бекстрём. – Двое мужчин выясняют отношения, и один из них гораздо более агрессивен – он кричит и ругается на другого. Плюс наша свидетельница, которая прогуливается с собакой и прячется от дебоширов за забором, чтобы ее не обнаружили.

– Она, собственно говоря, одна, эта наша свидетельница, – заметила Рогерссон. – Ее собака ведь умерла. Еще осенью. Это, кстати, был королевский пудель. Его звали Сикан. Об этом она тоже упоминает в своем заявлении.

– Но постой, постой... – не дал ей продолжить Бекстрём. – Подожди минутку. Ты имеешь в виду, что старуха ходит по парку перед дворцом Дроттнингхольм среди ночи и таскает с собой дохлую псину?

– Мне ясен ход твоих мыслей, – кивнула Рогерссон и на всякий случай одарила его еще одной улыбкой. – Но, если я все поняла правильно, наша заявительница все годы, пока собака была жива, а Сикану исполнилось пятнадцать, прежде чем он умер, совершала одинаковую вечернюю прогулку с ним. Всегда шла одной и той же дорогой. От дома, где живет, на юг, юго-восток, вокруг парковочной площадки перед Дроттнингхольмским театром, а потом тем же путем назад. Это стало привычкой для нее, и она, очевидно, продолжала в том же духе и после смерти Сикана. Правда, в одиночестве тогда, конечно.

– Я по-прежнему ничего не понимаю. Сикан, значит? Кобель, то есть?

– Да, конечно. – Йенни Рогерссон широко улыбнулась, раздвинув алые губы и обнажив белые зубы. – Это кличка, значит, которую...

– Ага, да, – кивнул Бекстрём. – Но если мы сейчас...

– Извини, что я вмешиваюсь, но, наверное, неплохо узнать, чем, собственно, все закончилось? – заметила Анника Карлссон с ледяными нотками в голосе, по неизвестной причине буравя злым взглядом ни в чем не повинного Бекстрёма.

– Да, извини, я немного сбилась, – констатировала Йенни Рогерссон. – Итак, вкратце, значит, у нас есть мужчина, наш преступник, который очень возбужден и кричит и ругается на другого, на нашу жертву, следовательно, и одновременно размахивает предметом, который держит в руке и который наша свидетельница сначала приняла за кусок толстой трубы. Потом он просто подходит и бьет другого мужчину прямо по лицу. В результате тот падает, и дальше избивание продолжается. Несчастный ползает на четвереньках по парковочной площадке, в то время как преступник пинает его ногой и бьет куском трубы. Потом он явно пытается засунуть его между ног своей жертве и одновременно наносит ей заключительный удар ногой под зад. А затем просто убирается восвояси – садится в автомобиль и уезжает. Между тем его жертва поднимается на ноги и бегом покидает площадку.

– Она видела номер автомобиля? – спросила Анника Карлссон.

– Нет. Она его не разобрала. Но достаточно уверена, что последняя цифра, возможно, была девятка, и предпоследняя вроде тоже. Две девятки в конце, значит, плюс по ее словам дорогой на вид большой и черный автомобиль. В этом она уверена на сто процентов.

– А что с куском трубы? Орудием? Насколько я понимаю, он остался на парковочной площадке.

– Да, конечно. – Рогерссон кивнула с восторженной миной. – Хотя оказалось, что это никакая не труба.

– Не труба? – спросила Анника Карлссон с удивленными нотками в голосе.

– Нет, каталог произведений искусства. Тот, кто бил, свернул его в трубку, и поэтому он воспринимался как кусок трубы. Он вообще принадлежит известной аукционной фирме. Знаменитой на весь мир. Она торгует произведениями искусства. Я проверила через Гугл: она называется Сотбис и находится в Лондоне. Они продают дорогие картины, мебель, ковры, предметы антиквариата, и данный буклет содержит фотографии массы вещей, которые выставлялись на торги в Лондоне в начале мая. Всего за четырнадцать дней до того, как наш преступник использует его для избияния своей жертвы. У меня он здесь, кстати. – Йенни Рогерссон подняла прозрачный пластиковый карманчик с толстым журналом в зеленой обложке и с надписью «Сотбис» на торце. – Наша анонимная заявительница прислала его. Нашла на парковочной площадке и поняла, что именно его она, наверное, видела. Каталог и ее заявление лежали в обычном толстом конверте из тех, какие можно купить на почте. Вдобавок на нем пятна крови, на каталоге то есть. Он забрызган и испачкан ею. И кровь, скорей всего, принадлежит жертве.

– Откуда ты можешь знать, что это кровь?

Аника Карлссон определенно не собиралась сдаваться.

«Она явно недолюбливает сослуживицу», – подумал Бекстрём.

– Я попросила коллегу Фернадеса из технического отдела проверить. И моя догадка подтвердилась. Он, кстати, отправил образец в Государственную криминалистическую лабораторию на анализ ДНК.

– По-твоему, наша жертва может оказаться в регистре? – спросил Бекстрём.

«Какой сейчас толк от этого? Вся история ясна как день. Один педик разобрался с другим. Типичная «голубая разборка», и, возможно, они поссорились из-за цены античного искусственного члена, принадлежавшего третьему педикю. Какой нормальный человек будет скручивать в трубочку аукционный каталог?»

– Нет, ни о чем подобном и речи не идет, – возразила Рогерссон. – В этом и изюминка данного заявления. Наша заявительница узнала жертву. Он – ее сосед. Они знакомы много лет, и поэтому она абсолютно уверена, что не обозналась. Помимо всего прочего, упоминает, что они живут приблизительно в квартале друг от друга. Я пробила его. Ни малейших грехов. Похоже, он один из по-настоящему приличных людей. Друг короля, пожалуй. Кто его знает.

– Продолжай, – распорядился Бекстрём. Его суперсаями вроде бы успокоилась. «Наверное, все дело в мертвой псине, – решил он. – Или два педика усмирили возбуждение».

– Пострадавшего зовут Ханс Ульрик фон Комер, барон, из благородных, значит, шестидесяти трех лет. Женат, имеет двух дочерей, и обе замужем. Живет в доме, который арендует, находящемся всего в нескольких сотнях метров от дворца. Им, вероятно, ведает дворцовая администрация. Кроме того, он сам, похоже, имеет какое-то отношение ко двору. Кто-то вроде искусствоведа, доктор философии, специализируется на истории искусства и, судя по всему, помогает присматривать за дворцовой коллекцией картин и прочего антиквариата. Вдобавок у него есть фирма, которая занимается подобными вещами, оценивает их и помогает людям продавать и покупать.

– От него самого поступило заявление? – спросил Бекстрём, хотя уже знал ответ.

«Женат, две дочери, и зачем будить свою женушку без всякой на то необходимости? Все как обычно», – подумал он.

– Нет, как ни странно, – ответила Рогерссон. – Я не нашла никакой бумаги от него. Потом сама позвонила ему и рассказала о полученном нами анонимном заявлении. Он решительно

все отрицал. По его словам, был дома в указанное время. Судя по голосу, даже возмутился, пожалуй.

– Surprise, surprise<sup>2</sup>, – сказал Бекстрём и демонстративно посмотрел на часы. – Ладно, – продолжил он. – Если ты сейчас спросишь меня, скажу, что в данном случае даже не надо открывать дело. Лучше отправить заявление в архив «за отсутствием состава преступления», чтобы не портить статистику. За моей подписью, пожалуй. И закончим на сегодня. Если у кого-то найдется нечто важное, я буду у себя до обеда. Потом мне, к сожалению, надо идти на встречу в управление криминальной полиции лена, и тогда вам придется справляться без меня.

## 7

Оказавшись в безопасности за закрытой дверью своего кабинета, он для начала включил сигнал «Не беспокоить». Потом трижды глубоко вздохнул, прежде чем отпер верхний ящик своего письменного стола, достал лежавшую там бутылку и влил в себя приличную порцию, а потом положил в рот две мятные таблетки, когда его хорошая русская водка теплом растеклась по желудку. Только после этого он попытался подвести итог утра.

«Итак, что мы имеем», – подумал он.

Сначала старая тетка всего-навсего забыла покормить своего кролика, а результатом стала дюжина заявлений о серьезных преступлениях, где в качестве злодея выступала эта явно впавшая в детство старуха. И сейчас требовалось просто отправить все это в архив, не возбуждая дел, и тем самым не ухудшая статистику раскрытий в его собственном отделе.

К сожалению, бабке, судя по всему, каким-то непостижимым образом удалось привлечь на свою сторону крайне неприятного типа, которого он уж точно не собирался отправлять той же дорогой, что и коллег из кролико-хомячкового отдела.

«Откуда, боже праведный, такая, как она, может знать подобных личностей?» – подумал Бекстрём. Это просто не укладывалось ни в какие рамки, и собственных детей у нее также не было. «Что там у нас осталось?» – Он глубоко вздохнул и на всякий случай еще чуточку уменьшил содержимое своей бутылки, хотя обычно избегал таких вольностей до полудня.

Два педика несколько более изысканного толка подрались на бабский манер перед дворцом его королевского величества. Неизвестный преступник в качестве оружия использовал каталог произведений искусства, а его жертва, гомик голубой крови, прикидывается, будто ничего не знает об этом деле.

«А чем не хороша бейсбольная бита или обычный топор? – подумал Бекстрём и вздохнул, и в то самое мгновение кто-то постучал в его дверь, несмотря на запрещающий сигнал над ней. – Только одному человеку в нашем здании наплевать на него». Он поспешно прибрался у себя на столе и запер заветный ящик за секунду до того, как Анника Карлссон шагнула к нему в кабинет.

– Чувствуй себя как дома, Анника, – милостиво разрешил Бекстрём, не поднимая глаз от бумаг, которые якобы читал.

– Спасибо. – Анника Карлссон села на стул возле его стола и положила перед своим руководителем толстую папку с заявлениями.

– Это собрание сочинений о страданиях полицейских по защите животных, – объяснила она. – Ты обещал разобраться с ними.

– Главным образом ради тебя, – буркнул Бекстрём.

– Тогда я дам тебе один совет. – Анника Карлссон откинулась на спинку стула.

---

<sup>2</sup> Сюрприз, сюрприз (англ.).

Она переговорила с коллегами из отдела правопорядка полиции Сольны, благодаря чьим стараниям госпожа Линдерот в конце концов открыла двери чиновницам из правления лена и впустила их в квартиру. Они также намекнули ей о ближайшей соседке новоиспеченной преступницы, до глубины души возмущенной правовым беспределом, которому, по ее мнению, подверглась госпожа Линдерот.

– Если верить рассказам коллеги Аксельссона (это его мать уже много лет дружит с нашей подозреваемой), ни на полицейских – защитниках животных, ни на чиновницах не было униформы или каких-то знаков различия, указывавших на их принадлежность к государственным структурам. По словам соседки, они сначала позвонили в дверь госпожи Линдерот и барабанили по ней, а потом один из них стал орать в щель для почты, требуя немедленно открыть. Спустя непродолжительное время старушка приоткрыла дверь, не сняв предохранительную цепочку, и высунула наружу старый пистолет, и тогда коллеги отпрянули и, как ошпаренные, бросились прочь и остановились на лестнице.

– У нее, у Линдерот, я имею в виду, есть глазок в двери? – спросил Бекстрём.

Судя по виду Анники Карлссон, ее настроение сейчас резко улучшилось.

– Ага, Бекстрём, – сказала она. – Теперь я узнаю тебя. Нет, у нее нет глазка, поэтому никакого удостоверения она не могла увидеть, а о визите ее заранее не уведомили.

– Насколько можно верить соседке?

– Она живет на том же этаже. Ее дверь находится напротив двери госпожи Линдерот, и на ней есть прекрасно функционирующий глазок, если тебе интересно. И, как только снаружи послышался шум, она прильнула к нему. В какой-то момент, похоже, даже записала их с помощью своего мобильного. От изображения, конечно, толку мало, а звук хороший. Она воспроизвела мне запись по телефону, и коллеги явно давали жизни. В любом случае она также не понимает, о чем речь. По ее словам, она даже собиралась звонить в центр экстренной помощи. Поскольку поверила, что в квартиру ее соседки пытались проникнуть обычные охотники до чужого добра. Две женщины и двое мужчин, а она недавно читала, в одной статье в «Сольна-Нютт», кстати, что такие часто действуют смешанными группами из лиц обоего пола.

– Ты сама разговаривала с ней? С этой соседкой?

– Да, а ты как думаешь? Я допросила ее по телефону, и это, наверное, не хуже, чем если бы я притащила ее сюда.

«Сейчас ее голос звучит как обычно, – подумал Бекстрём. – Вполне доброжелательно, от агрессивности не осталось и следа».

– Интересно, – многозначительно произнес он и подумал: «Не стоит, пожалуй, суетиться».

– Да, конечно. Тогда, я думаю, ты разберешься с этим дерьмом.

Коллега Карлссон показала на стопку заявлений и рывком встала со стула.

– Кстати, я хотела сказать вот еще что... Наше последнее приобретение, малышка Рогерссон, пожалуй, оставляет желать лучшего, хотя она и дочь твоего лучшего друга.

– О чем это ты?

– У нее еще молоко на губах не обсохло. Она же ребенок совсем, Бекстрём. Несмотря на ее огромную грудь, из-за которой ты и другие мужики из отдела пускаете слюни.

– Не велика проблема. – Бекстрём пожал плечами. – Высохнет. Кстати, есть места, где от сухости прямо беда, – продолжил он с невинной миной.

«Получила», – подумал он.

– О чем ты? Какие места?

– Ну, во рту, например. Представь, ты сидишь и болтаешь всякую ерунду, и у тебя внезапно пересыхает во рту. Не самая веселая ситуация, – объяснил Бекстрём. – А что, ты думала, я имею в виду?

«Вот тебе, чертова лесбиянка, пища для размышления», – злорадно подумал он, незаметно переместив руку к тревожной кнопке под своим письменным столом. Так, на всякий случай.

– Береги себя, Бекстрём, – сказал Анника Карлссон, при этом ее глаза сузились до минимума, и она показала на него рукой.

– Спасибо, – не остался в долгу Бекстрём. – Мне тоже было приятно встретиться с тобой. Хорошего дня тебе, Анника. Всегда рад видеть.

«Все женщины без ума от меня, – подумал он, как только Анника покинула его кабинет и закрыла дверь за собой. – Даже такая, как коллега Карлссон, пусть она и соревнуется в открытом классе, и сам черт не поймет, в каком разряде».

Ровно через минуту в его дверь постучали снова, на сей раз более застенчиво. И как раз перед тем, когда он взял ключ и собирался вновь отпереть заветный ящик.

– Входи, кто там, – крикнул Бекстрём, поскольку, судя по звуку, это уж точно не могла быть Анника Карлссон, решившая вернуться по какой-то причине.

«Хрен редьки не слаще», – заключил он, когда увидел нового посетителя. Инспектор Росита Андерссон-Трюгг полных пятидесяти лет, из которых ни один год не прошел для нее бесследно, собственное стихийное бедствие отдела. Хорошо еще, он успел взять в руку телефон.

– Ты должна меня извинить, Росита, – сказал Бекстрём и махнул ей, давая понять, что ему не до нее. – Мы разберемся со всем завтра. У меня сейчас важный разговор, – добавил он, прикрывая рукой трубку.

– Завтра? А ты сможешь рано утром? Это важно. – Коллега Андерссон-Трюгг строго и недоверчиво посмотрела на него.

– Конечно, конечно. – Бекстрём снова замахал рукой, теперь немного более энергично, и демонстративно прижал телефон к уху.

«Надо поставить замок на чертову дверь, – подумал он, как только Андерссон-Трюгг ушла, и за неимением лучшего снова включил красную лампу над входом в кабинет. А потом на всякий случай взял стул для посетителей и прижал его спинкой к двери, заблокировав ручку. И, вернувшись на свое место, сел и отпер ящик письменного стола.

На этот раз стоит приложиться от души, решил он. На улице тем временем пошел дождь. Настоящий летний ливень с неистовой силой обрушился на окно его офиса, ставшего тюрьмой для него.

– Какой ужасной жизнью мы, люди, живем, – глубоко вздохнул он.

## 8

Вечером в понедельник 27 мая Бекстрём прочитал доклад для пенсионеров Сольны о том, как им лучше всего защищаться от преступников, удивив тем самым своих коллег из полиции, когда они в конце концов узнали об этом. Дело в том, что Бекстрём обычно избегал подобной активности и, кроме того, имел репутацию человека, одинаково плохо относившегося как к данной категории населения, так и к маленьким детям. Они постоянно ныли, не вызывали доверия и вообще были непонятными, одновременно требуя к себе слишком много внимания со стороны пашущих в поте лица и вполне нормальных людей. Кроме того, от них плохо пахло. И все они – и пенсионеры, и маленькие дети – обходились гораздо дороже, чем того стоили. Это понимал любой нормальный человек, считал Бекстрём. Однако в данном случае он сделал исключение.

Месяцем ранее ему позвонил один из его многочисленных знакомых, строитель и крупный владелец недвижимости в их округе, которому Бекстрём ранее помогал разрешить самые

разнообразные проблемы в обмен на определенные услуги и, естественно, строго конфиденциально.

– Я хотел бы пригласить тебя на ужин, Бекстрём, – сказал его знакомый, позвонив ему. – У меня есть небольшое предложение, и, по-моему, оно заинтересует тебя.

– Звучит замечательно, – оживился Бекстрём, старавшийся без нужды лишний раз не залезать в собственный кошелек, и уже через несколько дней они встретились в отдельном кабинете одного из достойных городских заведений, чтобы перекусить, выпить и немного поговорить о делах.

Строителю требовалась помощь с одним из его последних проектов, предназначенным как раз для пенсионеров. Жилищным кооперативом на сотню эксклюзивных квартир у Карлбергского канала, вдобавок обеспечивающим такие условия их проживания, что они никогда не смогли бы стать жертвами преступления. И речь шла ни о любых пенсионерах. Пожалуй, их правильнее следовало называть состоятельными представителями старшего поколения, тратившими свое время на прогулки на яхте и гольф, дегустацию вин, посещение концертов, зарубежные круизы и долгие обеды в тосканской провинции в компании детей и внуков.

Бекстрём немного сомневался, поскольку такое описание плохо соответствовало его собственному представлению о крайне большой группе слишком старых и уже вышедших в тираж граждан, висевших тяжелой ношей на шее обычных приличных людей. Какие еще состоятельные представители старшего поколения? В его понятии речь шла просто о больных телом и душой стариках со вставными челюстями, ходунками и слуховыми аппаратами, окруженных слабым, но всегда узнаваемым запахом мочи. Которые постоянно жаловались, что им надо больше денег и не помешала бы еще одна операция на тазобедренный сустав, имели дырявую как решето память относительно недавних событий и часто забывали портмоне дома. Только слепой и крайне измученный жизнью грабитель мог покуситься на такую добычу.

– Если бы ты знал, насколько ошибаешься, Бекстрём, – сказал его знакомый, подливая собеседнику крепкой русской водки.

– Хорошо, я тебя слушаю. – Бекстрём ополовинил свою рюмку.

– Это вовсе не какие-то обычные пенсионеры, – повторил строитель. – Мы говорим о сотне тысяч граждан старше шестидесяти лет, контролирующих более половины всех ресурсов страны. И они тратят значительную часть своего свободного ото сна времени на переживания о том, что могут стать жертвами преступления. Беспокоятся, что их изобьют, ограбят, обокрадут или просто кто-то поцарапает краску их «мерседесов». А после всех твоих впечатляющих успехов на поприще борьбы с преступностью и выступлений в прессе, ты, Бекстрём, стоишь в самом верху их списка лиц, способных дать им совет по таким вопросам. Ты и представить себе не можешь, насколько популярен среди них. И тебе надо сначала припугнуть их немного, а потом успокоить, подчеркнув важность проживания именно в таком безопасном со всех точек зрения месте. Эту часть, безопасное жилье, я беру на себя. Ты получишь готовый текст и сможешь просто-напросто следовать ему. Я уверяю тебя, Бекстрём, что любая попытка вломиться в такой домик равносильна самоубийству.

– Я тебя услышал, – произнес Бекстрём. – Я тебя услышал...

Одновременно оставалась проблема оплаты, довольно немаловажная для него. Согласно существующим правилам, Бекстрём не мог рассчитывать ни на какое денежное вознаграждение за такую деятельность, а поскольку тратил, по большому счету, все свое свободное время на работу в качестве полицейского, он очень дорожил несколькими часами, остававшимися ему на личную жизнь. Единственное, что работодатель обычно предлагал в качестве компенсации, если кто-то брал на себя подобную обузу, был час свободного времени. Но когда бы он смог использовать его при своем перегруженном рабочем графике?

– Кончай маяться ерундой, Бекстрём, – сказал его знакомый и подмигнул. – Ни о чем подобном и речи нет. Мы поступим, как делали всегда, а относительно практической стороны дела, тебе тоже совершенно не о чем беспокоиться. От тебя требуется лишь короткое вступительное слово на пятнадцать – двадцать минут, которое напишет наш пресс-отдел по моему приказу. А потом еще где-то четверть часа, чтобы отвечать на вопросы. Что ты думаешь об этом?

– Звучит отлично, – сказал Бекстрём, уже видя перед собой коричневый конверт.

– Значит, договорились, – заключил строитель. – А с меня приличный ужин по окончании.

Потом они обменялись рукопожатиями и выпили за успех дела, а месяц спустя время пришло.

## 9

Встреча состоялась в главном офисе строительной фирмы, расположенном в Сольне по соседству с Национальной ареной, и Бек-стрём почувствовал приятный и одновременно терпкий запах денег, как только вошел в просторное, одетое в мрамор фойе. Публика, примерно около сотни человек, полностью соответствовала описанию, данному ей его нанимателем. Женщины, в кашемировых джемперах и пестрых французских шелковых шالях, с жемчужными бусами на шее, и их мужья, в синих пиджаках, цветастых брюках и ботинках с маленькими кожаными косичками на них, вели себя под стать своим одеяниям. С обязательными поцелуями в щеку, непринужденным щебетанием, сливавшимся в общий гул, и характерным выговором в нос. Притом что все уже какими-то тайными путями обзавелись шампанским, стараясь получить максимальное удовольствие от вроде бы серьезного дела, и с нетерпением ждали возможности приблизиться к накрываемому в данный момент на заднем плане шведскому столу со всевозможными яствами, включая хвосты омара, икру уклейки и паштет из утиной печени, который должен был стать вознаграждением за их терпение, как только Бекстрём закончит со своей частью. После того как он поможет им увидеть свет истины и, прежде всего, понять значение термина «безопасное жилье» и в результате внести свое имя в списки претендентов на квартиры в новом доме, уже предусмотрительно подготовленные организаторами мероприятия.

«Да, уж это точно не самые обычные пенсионеры», – подумал Бекстрём. И собственно, только двое из них портили общую картину. Две местные легенды, во всяком случае считавшиеся таковыми в здании полиции, где он работал. А также его старые знакомые, косвенно причастные к расследованию убийства, которым он лично занимался несколько лет назад, Марио Гримальди, по прозвищу Крестный отец, и его бывший товарищ по оружию Ролле Столис Столхаммар.

Тот самый Гримальди, кому, согласно ходившим в полицейском участке слухам, тайно принадлежала половина округа, несмотря на его пресловутую нулевую декларацию о доходах, из-за чего он в течение пары десятилетий числился среди приоритетных целей отдела экономических преступлений. И все напрасно, ведь с ним дело обстояло столь просто, что за всю его долгую жизнь макаронника ни разу не наказывали даже мизерным штрафом за неправильную парковку. А уже много лет назад им вообще перестали интересоваться, поскольку, если верить многочисленным медицинским заключениям, он страдал болезнью Альцгеймера, в результате чего допросить его абсолютно не представлялось возможным. При мысли о его нулевых доходах также было совершенно непонятно, что он здесь делает.

Однако недомогание и катастрофическое финансовое положение, похоже, никак не сказывалось на его внешности. Загорелый и одетый с иголки в черный костюм, белую льняную

рубашку и идеально начищенные до блеска ботинки, он выглядел очень солидно и напоминал не самого мелкого босса в мафиозной иерархии.

– Я узнаю тебя, – сказал Крестный отец и ткнул указательным пальцем с отлично сделанным маникюром в грудь главного докладчика вечера. – Подожди, не говори сразу, – добавил он, улыбнулся, обнажив зубы, столь же белые, как и раковина в квартире Бекстрёма, и погрозил ему пальцем. – Ты же Бек, не так ли. Комиссар Эверт Бек. Я обычно смотрю сериал с тобой по телевизору.

«Берегись, чертов макаронник», – мысленно пригрозил Бек-стрём и одарил его злым взглядом из арсенала Клинта Иствуда в фильме «Грязный Гарри».

– Приятно видеть тебя здесь, Бек, – продолжил Крестный отец. – Можно надеяться, что мы станем соседями, ты и я? На первом этаже есть однокомнатная квартира по доступной цене, если ты сейчас...

– Бекстрём здесь, чтобы прочитать доклад, – перебил его Ролле Столхаммар, бывший сыскарь из криминального отдела полиции Стокгольма. Многократный чемпион Швеции по боксу в тяжелом весе, чья физическая сила дала почву для бесчисленных слухов. И родились они явно не на пустом месте, при мысли о тех тысячах злодеев, которых он собственноручно отправил в кутузку за свои сорок лет работы в полиции. Причем о Ролле Столисе Столхаммаре легенды ходили как среди коллег, так и среди преступников.

Сейчас он уже много лет находился на пенсии. Родился и вырос в Сольне, и с самого детства водил дружбу с Марио Гримальди, прибывшим в Швецию вместе с родителями с первой волной иммиграции рабочей силы в пятидесятых, и с тех пор стал его постоянным спутником. Кроме того, он был завсегдаем скачек в Солтвалле, а поскольку, по слухам, не имел ничего за душой, единственным объяснением его появления здесь было то, что лучший друг, наконец, решил разобраться с этим делом и взять его на службу в качестве прислуги. Несмотря на джинсы, клетчатую фланелевую рубашку и потертую кожаную куртку, отличавшие его от прочей публики.

– Хорошо выглядишь, Ролле. – Бекстрём улыбнулся дружелюбно. – Неужели бросил пить?

– Да получше некоторых. – Легенда посмотрела на Бекстрёма узкими, как бойницы, глазами. – Спасибо за вопрос, и если возникнет желание отработать со мной три раунда, просто намекни. Обещаю, тебе не придется долго мучиться.

«Это же чистое безумие, и крайне опасно для жизни», – подумал Бекстрём и довольствовался кивком, поскольку у него и мысли не возникло позволить Ролле с напоминавшими кувалды кулаками встать на пути между ним и коричневым конвертом, ожидавшим его за углом.

И вот наконец пришло его время. Пресс-атташе фирмы представил Бекстрёма как главного докладчика вечера, и публика приветствовала его долгими, но довольно сдержанными аплодисментами, как ей и полагалось по статусу.

И Бекстрём выполнил свое задание тютелька в тютельку. Сначала в меру напугал их, порассказав разных ужасов из своего богатого личного опыта работы на переднем крае борьбы со злом. Потом успокоил, выплеснув на них поток примеров из того же источника и делясь собственными взглядами о том, как должна выглядеть эффективная борьба с преступностью. А заключительную часть своего выступления он посвятил общей потребности для всех выдающихся членов общества (то есть тех, кто имел все необходимые ресурсы и многие из которых сейчас находились среди публики) самостоятельно защищаться от любых попыток темных личностей нанести им как моральный, так и физический ущерб. В связи с последним он особенно подчеркнул важность безопасного жилья.

– Ни в коем случае нельзя миндальничать со всякой шпаной, – закончил Бекстрём и одарил публику улыбкой в стиле Клинта Иствуда. – Стоит дать им палец, и они отхватят руку целиком, так обстоит дело, – констатировал он, и на сей раз ему аплодировали в почти обычной, свойственной простым людям манере.

Затем последовали вопросы от публики, с которыми Бекстрём разобрался на бис, и, когда он, посчитав свою задачу выполненной, пробирался к выходу, его провожали рукопожатиями, похлопыванием по спине и теплыми словами. Даже старые знакомые, Крестный отец Гримальди и Ролле Столис, выразили свое одобрение. И вместе с ними составлявшая Марио компанию дамочка, которая вполне могла бы познакомиться с его собственной суперсалами, появившись у него на горизонте лет тридцать назад. Шикарная блондинка на десять сантиметров выше макаронника и, судя по виду, явно моложе своего кавалера. Но в остальном она ничем не отличалась от прочих дамочек, предпочитавших мужчин старше шестидесяти, владевших всей Швецией.

– Я хотел бы представить тебе мою возлюбленную, Мартин, – сказал Марио и улыбнулся, обнажив белые зубы. – Ты среди фаворитов Клуши. Она обычно смотрит тебя по телевизору.

– Комиссар не думал пойти в политику? – спросила Клуша, обмахиваясь худой загорелой правой рукой, которую украшали бриллианты размером с лесной орех.

– Нет, – ответил Бекстрём. – Мне по горло хватает моей обычной работы.

«Вот, значит, в чем причина, – подумал он и посмотрел на улыбающегося брачного афериста, стоявшего сбоку от него. – Наверное, Клуша и платит за все. Надо намекнуть коллегам из отдела по борьбе с мошенниками».

– Очень жаль, – не унималась Клуша. – Я убеждена, что из комиссара получился бы отличный министр юстиции. – Ей-богу, в такие времена матушке Швеции могут понадобиться все наши лучшие силы. Обещай подумать над этим делом, – добавила она и похлопала его по руке.

– Обещаю, – ответил Бекстрём.

– Ты просто создан для политики, Бекстрём, – согласился Столхаммар и подмигнул ему, одновременно проведя вдоль своего носа правым указательным пальцем. – Достаточно послушать твое выступление пару минут, и понимаешь, что у тебя природный талант. Только крикни, обещаю, я сразу притащусь к избирательной урне. Тогда ты будешь иметь, по крайней мере, один голос. Плюс Клуша. Итого получается два, если я правильно посчитал.

«Парень явно чистый психопат, и кто захочет противоречить такому», – подумал Бекстрём. Он просто кивнул Марио и Ролле и в довершение всего слегка прикоснулся губами к протянутой ему очень холодной правой руке Клуши. По пути к выходу он отклонил очередное предложение ответственного за конференцию присоединиться к компании у шведского стола. Ему срочно требовалось вернуться в полицию Сольны. И когда он вышел на улицу, большой черный лимузин уже ждал его.

– Добро пожаловать, комиссар, – сказал водитель, открыв ему заднюю дверцу.

– Полный успех, Бекстрём, – констатировал строитель, как только он и Бекстрём расположились за тем же самым столом, где сидели месяц назад. – Я только что разговаривал с одним из моих помощников и услышал массу хвалебных слов. Впрочем, другого и не следовало ожидать, – добавил он, призывно подняв свой бокал.

– Спасибо, – ответил Бекстрём, сопровождая слова аналогичным жестом, одновременно другой рукой забирая толстый коричневый конверт из-под своей тарелки и пряча его во внутренний карман пиджака. – Кстати, у меня есть вопрос к тебе, – сказал он, поскольку вспомнил о Марио и Ролле.

– Я внимательно тебя слушаю, – ответил его собеседник.

– Я столкнулся там со старым знакомым, Марио Гримальди, явно одним из кандидатов на твое безопасное жильё.

– Крестный отец, – кивнул строитель со слабой улыбкой. – Я понимаю, что ты имеешь в виду, но если посмотришь в компьютер у себя на работе, то наверняка узнаешь, что на сегодняшний день Гримальди просто старая развалина и уже выжил из ума.

– Примерно так, – подтвердил Бекстрём. – А как все обстоит на самом деле?

– Совсем наоборот, – ответил строитель, крутя в руке свой бокал. – Кроме того, он оказывал мне те или иные услуги все годы. Из тех, от каких и ты не отказался бы.

– Марио был в компании моего бывшего коллеги по имени Ролле Столхаммар, который всегда таскается с ним. Что ты знаешь о нем?

– Никогда не слышал это имя, – пожал плечами строитель. – Бывший полицейский, ты говоришь? Марио знает всех, и само собой кое-кого из твоих коллег.

– Бог с ним, – с деланным равнодушием пожал плечами Бекстрём.

«Черт с ним, хотя интересно, о каких других коллегах идет речь», – подумал он.

Когда Бекстрём несколько часов спустя лег в постель, он открыл свой коричневый конверт и пересчитал его содержимое.

– Стать министром юстиции не каждому по карману. – Он покачал головой и сунул конверт под подушку. А потом заснул и спал крепко, без сновидений, пока его не разбудил дождь, забарабанивший по окну спальни.

## 10

Фелиции Петтерссон было двадцать восемь лет. Пять из них она проработала в полиции и до сих пор трудилась бы в службе правопорядка, не повреди связки во время игры во флорбол несколько месяцев назад. Травма не прошла для нее бесследно и в конечном счете помешала выполнять привычные обязанности. В результате она оказалась на ресепшн в здании полиции и успела просидеть там целый месяц, пока Бекстрём не обратил на нее внимание. Кроме того, в пятницу утром, когда он пребывал в самом радужном настроении, поскольку находился на пути на Кунгсхольмен, где его ждала важная встреча.

– Что, черт возьми, ты здесь делаешь? – удивленно спросил Бекстрём, а неделю спустя Фелицию перевели в его собственный отдел расследования тяжких преступлений.

\* \* \*

Бекстрём питал к ней определенную слабость, хотя вроде бы не должен был этого делать, если принять во внимание ее происхождение и слухи, которые злые языки распространяли о ней среди коллег. Фелиция ведь родилась в Бразилии, первый год своей жизни провела в детском доме в Сан-Паулу, а потом ее усыновила шведская чета, где и муж, и жена трудились в полиции, проживавшая на островах Меларёарна близ Стокгольма.

Несколько лет назад Фелиция приобрела первый опыт работы в криминальном отделе Сольны, когда помогала Бекстрёму расследовать двойное убийство. И тогда заслужила одобрение с его стороны, поскольку в отличие от всех ее недалеких коллег понимала, что он имеет в виду, и всегда четко выполняла его указания. Пусть даже по глубокому убеждению Бекстрёма настоящим полицейским мог быть только настоящий мужчина, в то время как настоящие женщины предназначались для значительно более приятных дел, о сути которых у него хватало ума вслух не распространяться.

После понедельничной встречи непосредственный шеф Фелиции Анника Карлссон решила, что им надо вместе еще раз допросить Фриду Фриденсдаль и выяснить, не сможет ли она опознать мужчину, вторгшегося в ее квартиру и угрожавшего ей.

Поэтому остаток дня Фелиция потратила на то, чтобы с помощью составленного потерпевшей описания отобрать возможных кандидатов на роль преступника. Не самое интересное задание, и, когда она закончила, в ее компьютер было загружено более сотни фотографий мужчин из стокогальмского региона, которые, согласно данным полицейского регистра, вполне могли сделать то, что искомый ими субъект совершил в отношении их жертвы преступления.

А тем временем Анника Карлссон переговорила с абсолютно ненастроенной на сотрудничество Фридой Фриденсдаль, и ей стоило немало усилий убедить последнюю согласиться на новую встречу.

Они договорились встретиться в девять часов следующим утром при условии, что все произойдет у нее в офисе и не займет более получаса.

## 11

– Что ты думаешь об этом? – спросила Фелиция, когда во вторник утром они с Анникой Карлссон сидели в служебном автомобиле.

– Она чувствует себя не лучшим образом, – ответила Анника. – По-настоящему плохо. Поэтому нам остается только надеяться на лучшее. И постараться вытянуть из ситуации по возможности больше, ну ты понимаешь, – добавила она, кивнула своей молодой коллеге, улыбнулась и толкнула ее в бок.

– Давай я буду показывать фотографии, а ты станешь контролировать ее реакцию, – предложила Фелиция.

– Как раз так я и планировала, – согласилась с ней Анника. – Если мне повезет, я успею прочесть все по ее глазам, прежде чем она покачает головой.

Четверть часа спустя они переступили порог рабочего офиса Фриды Фриденсдаль, и Анника Карлссон, побывавшая там однажды ранее, заметила, что сотруднице на ресепшн сейчас составлял компанию охранник, который кивнул им, когда они входили внутрь.

– Мы из полиции, – сказала Анника Карлссон и показала свое удостоверение. – Нам надо встретиться с Фридой.

– Она ждет вас.

Девушка на ресепшн также кивнула и улыбнулась им.

– По коридору налево, третья дверь, – добавила она и показала в нужном направлении. – Могу предложить вам кофе и воду.

– Спасибо, – ответила Анника Карлссон.

Никто из них не захотел ни кофе, ни воды. И меньше всех жертва преступления. Она покачала головой на предложение Анники.

– Нет, моя цель как можно быстрее покончить с этим, чтобы снова жить спокойно, – сказала она.

– О'кей. – Анника ободряюще похлопала ее по руке. – Мы разберемся во всем, – добавила она.

Затем они уселись за стол для совещаний. Фелиция перед своим ноутбуком, жертва преступления сбоку от нее, так близко, что она могла слышать ее дыхание и чувствовать страх, излучаемый ее телом. Анника Карлссон расположилась сбоку от стола, откуда ей было хорошо видно выражение глаз Фриды и фотографию, на которую та смотрела.

«И как мне описать тебя? – подумала Фелиция. – Средних лет, заурядная, как с точки зрения внешности, так и одежды. Впрочем, не сейчас, когда перед собой видишь женщину, в любой момент способную потерять контроль над собой».

– Хорошо, – сказала она, – тогда мы начинаем. Старайся смотреть как можно внимательнее. Нам некуда спешить, и достаточно только покачать головой, если захочешь, чтобы я перешла к следующему фото. Если же узнаешь кого-нибудь или возникнет желание рассмотреть его подробнее, просто скажи об этом.

– Хорошо, – ответила Фрида, прижав левую руку тыльной стороной к губам.

На первые фотографии она реагировала очень быстро, практически сразу же качая головой, но чем больше снимков Фелиция выводила на экран, тем труднее жертве преступления было смотреть на них.

«Как, черт возьми, она справится со всеми ста двадцатью?» – подумала Анника Карлссон, и в то самое мгновение увидела вожденную реакцию в глазах защитницы животных. Кроме того, та сама подтвердила ее догадку.

– Это он! – воскликнула Фрида Фриденсдаль и закрыла лицо руками. – Боже, уберите его. – Я прошу, уберите его! – закричала она, резко поднялась, повернулась спиной к компьютеру и внезапно зарыдала так, что затряслись спина и плечи.

– Номер 25, – сказала Анника Карлссон, а поскольку она не даром получала зарплату, ей не понадобилась помощь Фелиции, чтобы узнать человека на фотографии. – Ангел Гарсия Гомез, – констатировала она и подумала: «Будь это лотерея, более счастливого жребия трудно было бы пожелать».

Фелиция тоже узнала его. Не потому что видела когда-то вживую, а в силу проделанной предыдущим вечером работы и благодаря своей отличной памяти.

Ангел Гарсия Гомез, припомнила Фелиция. Сын иммигрантов, чья мать-чилийка приехала сюда как политическая беженка в начале семидесятых, отец неизвестен. Гомезу тридцати пяти лет от роду, и в кругах, где проводит время, он известен как Эль Локо, Псих. Почему парня так называют, она задумалась еще когда скачивала его данные в свой компьютер, поскольку ни в одном из регистров не нашлось вразумительного ответа на этот вопрос. Вдобавок он отлично выглядел, даже едва заметно улыбался в объектив полицейской камеры, когда его снимали. И по сравнению с прочей компанией прегрешения Гомеза перед законом были не так уж и велики – почти никакие обвинения против него не удалось доказать.

На все у них ушло полчаса, потребовалось также некоторое количество бумажных носовых платков, сестринское участие и слова утешения, чтобы хоть как-то успокоить их пострадавшую. А справившись с этой задачей, они поняли, что их расследование фактически закончилось.

Фрида Фриденсдаль несколько раз глубоко вздохнула. Потом посмотрела на Аннику Карлссон, прямо ей в глаза, и кивнула с целью подчеркнуть важность того, что она собиралась сказать.

– Я хочу забрать заявление, – выдавила она. – И не хочу больше иметь никакого отношения к этому делу. Главное, чтобы меня оставили в покое.

– Тебе нечего бояться, – заверила Анника Карлссон. Она села перед ней на корточки и взяла ее за руки, стараясь успокоить, как маленького ребенка.

– Мне наплевать на вас. Я хочу только покоя. И не собираюсь больше ни секунды участвовать во всем этом. Я уже разговаривала с адвокатом. По его словам, вы не можете заставить меня действовать против моей воли.

И она снова заплакала. Сломленная, громко всхлипывая и одновременно мотая головой, как делает тот, кто уже принял решение.

Примерно в то время, когда его сотрудницы Карлссон и Петтерссон пытались внушить мужества их жертве преступления, Бекстрём прибыл в свой офис после восьми часов здорового сна и обильного завтрака. Даже таксист, который привез его на работу, постарался ничем не испортить ему настроение. Не произнес ни слова за всю поездку. И открыл рот, только когда остановил машину перед зданием полиции в Сольне и Бекстрём стал копаться в карманах в поисках денег, чтобы расплатиться за проезд.

– Ты ведь комиссар Бекстрём, не так ли? Ты же разобрался с чертовыми иранцами? Я прав?

– А ты сам-то кто такой? – спросил Бекстрём.

«Судя по акценту и внешнему виду, типичный араб, – подумал он. – И если этот парень сейчас задумал какую-то гадость, пожалуй, стоит позволить ему понюхать малыша Зигге».

– Я из Ирака, поэтому данная поездка мой подарок комиссару, – ответил таксист, широко улыбнулся, отсалютовал Бекстрёму сжатым кулаком и уехал восвояси.

Вторники в любом случае лучше понедельников, подумал Бекстрём, когда включил красную лампу у себя над дверью и сел за свой письменный стол с чашкой свежесваренного кофе в руке. Кроме того, ему срочно требовалось позаботиться об одном деле, иначе он рисковал обедом, который уже в мечтах видел перед собой.

Поэтому он сразу позвонил шефу отдела по защите животных комиссару Луве Линдстрёму. Судя по имени и сфере деятельности, ничем не отличавшемуся от всех других, кто, независимо от пола, подрывали доверие к полиции и порождали сомнения относительно ее способности выполнить возлагаемую на нее святую задачу.

– Бекстрём, – буркнул комиссар, поскольку этого вполне хватало, когда речь шла о самом известном и уважаемом полицейском страны.

– Рад слышать тебя, Бекстрём. – Линдстрём, судя по голосу, и в самом деле искренне обрадовался звонку. – Я понимаю, почему ты звонишь. Чем я могу помочь тебе? Мои коллеги действительно попали в ужасную историю.

– Да нет, – возразил Бекстрём. – Скорее вопрос состоит в том, что я могу для тебя сделать.

– О чем ты?

– Я постараюсь вкратце объяснить тебе суть дела.

«От радостных ноток в его голосе не осталось и следа», – подумал Бекстрём.

Для начала он описал их преступника. Пожилую одинокую женщину, уже неспособную адекватно оценивать ситуацию и одной ногой стоявшую в могиле, а затем рассказал, как оба коллеги Линдстрёма и две их помощницы из правления лена выполняли свое задание.

– Четыре человека, каждый из которых в два с лишним раза моложе, чем она, орала и колотили по ее двери. Все без униформы, все в гражданском, и никто даже не попробовал показать ей обычное полицейское удостоверение. Пожалуй, ничего странного, что она принимает их за грабителей, пытающихся проникнуть к ней в квартиру. Как еще она должна была воспринимать происходящее?

– Но подожди, подожди. Разумеется, они предъявили документы. Обозначили себя как полицейских. Это же вполне естественно.

– Вот как, – хмыкнул Бекстрём. – Откуда тебе это известно?

– Ты можешь подождать секунду, – ответил явно сбитый с толку Линдстрём.

– Конечно, – милостиво согласился Бекстрём.

– Извини за задержку, – сказал Линдстрём пять минут спустя. – Сейчас я разговаривал с обоими коллегами, побывавшими там, и они оба убеждают меня, что предъявили удостоверения. Поэтому, если госпожа Линдерот заявляет обратное, боюсь, она врет.

– Вот как, – не сдавался Бекстрём. – Расскажи, как они это сделали. Как показывали документы.

По словам коллеги Линдстрёма, Томаса Боргстрёма, тот держал свое удостоверение перед глазком ее двери и одновременно четко и спокойно объяснил, что они из полиции, и сказал, по какому делу пришли. Другой коллега, Клаес Бодстрём, подтверждает, что именно так все и происходило.

– Через дверной глазок? Боргстрём показал свое удостоверение через глазок в двери госпожи Линдерот? И коллега Бодстрём один в один подтверждает его рассказ?

– Да, ты же знаешь такой стандарт сегодня во всех новых домах. А ее дом построили всего несколько лет назад.

– Тогда боюсь, здесь у нас проблема, – сказал Бекстрём.

– Проблема? Что ты имеешь в виду?

– У госпожи Линдерот нет никакого глазка в двери, функционирующего, во всяком случае. У всех других в доме они, конечно, есть, но не у нее. Когда квартирное товарищество собиралось установить новый, пожилая дама отказалась и, когда они не захотели по ее просьбе убрать его совсем, попросила их оставить старый, неисправный. Не хотела, чтобы кто-то заглядывал к ней в квартиру. Как я уже говорил, у нее начинает ехать крыша, как часто бывает со старыми людьми.

– Вот как. И ты был там? На месте, значит?

– Ну, к сожалению, так все и есть, – констатировал Бекстрём, не вдаваясь в детали. – Вдобавок у нас имеется свидетель. Женщина, живущая на том же этаже, лицезрела всю вашу так называемую операцию и по какой-то причине описывает ее точно как и госпожа Линдерот.

– Слово против слова, ты хочешь сказать? Фактически это ведь ты говоришь. Слово против слова.

– Я сожалею, – продолжал Бекстрём. – В данном случае на самом деле все не так просто. Не предвосхищая возможное расследование в отношении твоих коллег по причине должностного преступления, я должен констатировать, что здесь все обстоит значительно хуже. По-настоящему плохо, если ты сейчас понимаешь, что я имею в виду. Я говорил, кстати, что звоню с моего мобильного. Неплохая вещица, у него есть фотокамера и микрофон с магнитофоном, если ты понимаешь, о чем я говорю.

«Тебе будет над чем поломать голову, дурачок», – подумал он.

– Да, я тебя услышал, но...

– У меня есть два предложения, – перебил его Бекстрём. «Прежде чем ты реально навалишь в штаны».

– Да, я слушаю, я тебя слушаю.

– Проще всего было бы, если бы я вызвал сюда твоих коллег и двух других, чтобы мы смогли допросить их.

– Да, но ведь это, наверное, все-таки не понадобится?

– Надо надеяться, что нет. Поскольку я собирался отправить все в архив в виду отсутствия состава преступления, и, если тебе интересно, это касается всего вместе. Твоих коллег, дамочек из правления лена, нашей свидетельницы и также старой госпожи Линдерот.

«Из тех, кого сломать раз плюнуть», – подумал Бекстрём, закончив разговор, и в то самое мгновение, когда сунул руку в карман, чтобы достать ключ, открыть заветный ящик письменного стола и плеснуть себе несколько вполне заслуженных капель, в дверь постучали. Явно без особого стеснения, судя по звуку, кулаком, и слава богу, что он не успел вставить замок, поскольку тогда его дверь наверняка бы выбили.

- Садись, пожалуйста, Анника. – Бекстрём показал на стул для посетителей.
- Черт! – воскликнула Анника Карлссон и всплеснула руками. – Черт, черт, черт!
- Рассказывай, – приказал Бекстрём, пусть он уже просчитал, что произошло с их потерпевшей Фридой Фриденсдаль и с тем заявлением, которое, безусловно, повлекло бы за собой реальный приговор за угрозу насилием, если бы она сейчас осмелилась дойти до суда.

### 13

– Наша потерпевшая совсем пала духом, – вздохнула Анника Карлссон и обреченно пожала плечами. – Хотя прежде, чем сдаться, она успела показать его. Ну а потом все пошло наперекосяк.

– И кто же он? – спросил Бекстрём.

– Ангел Гарсия Гомез.

«Вот так номер, – подумал Бекстрём, – Псих, а при мысли о связи со старой госпожой Линдерот, Элизабет, как он ее называл, это выглядит просто невероятно».

– Насколько она уверена?

– Никакого сомнения, видел бы ты, как она среагировала, увидев его фотографию. Ты бы сразу ей поверил.

«Ангел Гарсия Гомез, – подумал Бекстрём. – Такого уж точно не пригласишь к себе на чашку чая».

– Но сейчас она больше не хочет участвовать в расследовании?

– Отказалась в самой категоричной форме, и кроме того, недавно позвонил ее адвокат и потребовал немедленно свернуть расследование.

– Ну нет, – повысил голос Бекстрём. – Не ему принимать такие решения.

– Так что мы сейчас делаем?

– Выясняем, какая связь между нашей пожилой дамой и таким типом, как Гарсия Гомез.

– Да, но я пока ничего не нашла, – вздохнула Анника Карлссон. – Это совершенно непонятно.

– Однако в этом и заключается прелесть нашей профессии, – наставительно произнес Бекстрём.

– Проще всего было бы спросить госпожу Линдерот.

– Нет, – возразил Бекстрём и покачал головой. – Сначала нам надо все выяснить самим. Потом мы, пожалуй, сможем ее спросить. Ты разговаривала с коллегой Алекссоном? Это же его мать знает старуху?

– Ну, я только что переговорила с ним. Он понятия не имеет. Столь же удивлен, как ты и я.

– Странно, – сказал Бекстрём. «Это же, черт побери, просто непостижимо».

– О'кей, а как дела с моими заявлениями? – поинтересовалась Анника Карлссон и кивнула в направлении пластиковой папки, лежавшей на письменном столе Бекстрёма.

– Считаю, все уже в архиве, о них можно забыть, – ответил Бекстрём. – Обычное недоумение. Подобное случается. А что ты подумала?

– А ты не так уж и плох, Бекстрём, – сказала Анника Карлссон, улыбнулась и поднялась.

«Они просто с ума сходят по мне, – подумал Бекстрём, когда она исчезла за дверью. – Самое время пообедать».

Но в это время очередной идиот постучал в его дверь.

– Входи! – крикнул Бекстрём.

Несмотря на то что Бекстрём достойно пообедал и сумел восстановить упавший до опасной черты баланс жидкости в организме и обеспечить нормальное содержание сахара в крови, он чувствовал себя настолько погано, что даже не нашел в себе силы набрать на телефоне очередную причину отлучки с работы и смыться домой ради нескольких часов живительного сна.

«Какой ужасной жизнью мы, люди, живем», – подумал он, когда вернулся к себе в офис, к своим постоянно нуждавшимся в совете и помощи сотрудникам, которые все время висели на ручке его двери. Даже всякая шпана, казалось, стала абсолютно неуправляемой и закончила способствовать работе по профилактике преступлений, с регулярными промежутками наводя порядок в кругах себе подобных. Прошло уже полгода с той поры, когда он блестяще раскрыл настоящее убийство, и что он получил взамен? Чокнутая старая дама вовремя не покормила своего кролика, и обычный педик попытался забить насмерть другого такого же придурка каталогом произведений искусства. Плюс третий день шел дождь, и он явно забыл отключить свой телефон, поскольку кто-то позвонил ему.

– Бекстрём, – сказал комиссар.

«Старушка Швеция катится прямой дорогой в пропасть», – подумал он.

– Привет, шеф, надеюсь, не помешала, – сказала Фелиция Петтерссон. – У шефа есть пять минут?

– Конечно, – ответил Бекстрём. – При условии, что ты захватишь с собой двойной кофе с молоком.

«Такого же цвета, как сама», – подумал он.

– Yes, boss. Coming right up<sup>3</sup>, – отчеканила Фелиция.

«Как, черт побери, ей удастся говорить таким образом, – подумал он. – Да она же из Бразилии, и наверняка это у нее в крови».

Фелиция не хотела ничего особенного. В любом случае ничего, имевшего отношения к работе. Пришла главным образом поблагодарить.

– Я разговаривала с Анникой, – сказала она. – Я слышала, шеф отправил в архив идиотские заявления против бедной старой госпожи Линдерот.

– Есть такое дело, – ответил Бекстрём.

«Она очень даже ничего, – подумал он. – Хотя слишком загорелая на мой вкус».

– Печальная история с госпожой Линдерот напомнила мне о моем старом дедушке. Он тоже обожает животных, хотя у него проблемы с головой. У шефа найдутся пять минут?

– Конечно, – милостиво разрешил Бекстрём.

«Интересно, что натворил чертов старикан? Наверняка, случайно спустил щенка в унитаз, – подумал он, – когда попытался подтереть ему задницу».

В этой истории имелась масса многообещающих возможностей, и Бекстрём сразу почувствовал себя чуточку бодрее.

Уже несколько лет дед Фелиции находился в доме престарелых на островах Меларёарна. Она обычно навещала его пару раз в неделю, но в последний год он, к сожалению, становился все более и более грустным.

– Да уж, ему ведь нелегко, – вздохнул Бекстрём.

– И вот пару месяцев назад он стал совсем другим человеком. Веселым и бодрым. Точно таким, как раньше. Сейчас, когда мы встречаемся, он даже вспоминает, как меня зовут.

---

<sup>3</sup> Да, босс. Сейчас буду (англ.).

– Забавно, – буркнул Бекстрём. – Как такое возможно?

– Дед стал совсем новым человеком, после того как в богадельне, где он живет, завели собаку-терапевта.

«Собаку-терапевта? О чем, черт возьми, она говорит?» – подумал он и в то же мгновение представил себе большого дружелюбно виляющего хвостом сенбернара с бочонком коньяка на ошейнике.

Пару месяцев назад персонал приобрел пса для находившихся в интернате стариков. В меру крупного, с мягкой шерстью, и он бегал по отделению, в то время как тамошние обитатели ласкали и трепали его за шею.

– Это просто фантастика, – сказала Фелиция Петтерссон. – Когда я была там в воскресенье, он запрыгнул в кровать деда и просто лежал в ней, в то время как мой дедушка гладил его. Видел бы шеф, как выглядел старик. Он радовался как ребенок. Это просто фантастика.

«Боже праведный, – подумал Бекстрём. – Она пытается раньше срока лишить меня жизни». Когда придет время, он собирался разобраться с этим делом сам, последний раз переговорив с малышом Зигге. А не искать помощи у какой-то псины, которая пачкала бы шерстью его шелковую пижаму и пускала слюни ему в лицо, когда он лежал бы при смерти не в состоянии защититься.

– Выглядит просто фантастически, – сказал Бекстрём.

– Именно тогда я и подумала о старой госпоже Линдерот, – продолжила Фелиция. – Когда мы проверяли сведения о ней, я обнаружила, что она проходит амбулаторное лечение в специальной клинике для пациентов с болезнью Альцгеймера в ранней стадии. Это частное заведение, и оно находится здесь, в Сольне, но у них там, по-видимому, нет никаких животных. Просто я позвонила и проверила. И тогда подумала, что мне, пожалуй, стоит позвонить им снова и предложить купить какую-то живность. Собаку, наверное, или кошку, пара кроликов наверняка сработала бы. При мысли о госпоже Линдерот и других стариках, которые ходят туда. Вдобавок ей самой не пришлось бы нести ответственность за них.

«Что, черт возьми, происходит? – подумал Бекстрём. – Мне казалось, я работаю в полиции. Неужели я ошибся адресом и попал в приемную к ветеринару. Черная курица явно совсем чокнулась».

– Знаешь что, Фелиция? – Бекстрём улыбнулся ей дружелюбно и на всякий случай посмотрел на часы. – Идея просто фантастическая. Как я уже говорил.

– Спасибо шеф, – сказала Фелиция. – Спасибо, я знала, шеф поймет, что я имею в виду.

Как только она закрыла дверь за собой, Бекстрём вскочил из-за стола, надел плащ и исчез. В самое время, наверное, поскольку Росита Андерссон-Трюгг уже на всех парах двигалась к его кабинету.

– Бекстрём, я должна поговорить с тобой! Ты же обещал.

– Завтра! – крикнул он на бегу. – Все завтра, – повторил он, покачал головой и отмахнулся от нее.

Когда он вышел на улицу, ему удалось сразу же поймать проезжавшее мимо такси.

– Куда едем? – спросил водитель и включил счетчик.

– Потом разберемся, пока просто уезжай отсюда, – распорядился Бекстрём и покачал головой. «Что происходит в старой доброй Швеции? Куда мы катимся!»

В среду 29 мая комиссару Эверту Бекстрёму удалось не появляться на работе почти целый день. Это в свою очередь стало результатом хорошо продуманных и тщательно спланированных действий, когда уже предыдущим вечером комиссар с помощью своего мобильного

активировал у себя в рабочем телефоне сообщение «работаю на дому» до одиннадцати утра, а потом «конференция в Главном полицейском управлении», которое начинало действовать с часа дня. По большому счету, ему требовалось только на короткое время появиться у себя в офисе, а взамен он получал все время на свете, чтобы хорошенько выспаться, не спеша пообедать и отдохнуть всю вторую половину дня. Если бы не Росита Андерссон-Трюгг, явно простоявшая в ожидании его все утро и чуть ли не сбившая его с ног, когда протискивалась к нему в кабинет, стоило ему открыть дверь в него.

И вот теперь она сидела на стуле для посетителей. С влажными глазами, седоволосая, худая, с грустной миной.

– Я слушаю, Росита, – сказал Бекстрём и кивнул ободряюще. – Насколько я понимаю, ты уж точно не с ерундой пришла ко мне.

Инспектор Росита Андерссон-Трюгг пришла выразить свое недовольство тем, как Бекстрём руководил работой отдела, и на всякий случай принесла с собой бумаги с пометками, которые собиралась использовать в подтверждение своих слов.

Во-первых, ей очень не понравилось презрительное отношение к коллегам из отдела по защите животных и важности возложенной на них задачи, по ее мнению продемонстрированное Бекстрёмом на совещании в понедельник. В этой связи она, воспользовавшись случаем, также хотела объяснить собственную позицию. Полиция уделяла слишком много внимания людям и их так называемым проблемам, что в свою очередь не лучшим образом отражалось на прочих живых существах, которым постоянно, всем вместе и по отдельности, приходилось терпеть невыносимые страдания.

– Я слушаю, слушаю, – сказал Бекстрём, кивнул ей ободряюще, дружелюбно улыбнулся и призывно махнул правой рукой. – Продолжай, пожалуйста.

«Главное ошарашить ее, а это не так трудно», – подумал он.

Росита Андерссон-Трюгг сначала удивленно посмотрела на него, но потом сделала глубокий вдох и продолжила.

Во-вторых, действия коллег, направленные на реализацию решения правления лена, по ее мнению, были вполне обоснованными. Госпожа Линдерот плохо обращалась со зверюшками. В отличие от своего шефа Росита также внимательно просмотрела материалы, подвигнувшие чиновников вынести свой вердикт, и прочитала все шесть заявлений, которые свидетельница и заявительница Фрида Фриденсдаль отправила в полицию и в органы местного самоуправления за последний год. Помимо всего прочего она обратила внимание на ужасную историю о том, как кролика пожилой дамы чуть не порвала такса, живущая в том же доме. И только вмешательство хозяйки собаки спасло его от смерти.

– Я услышал тебя, – сказал Бекстрём и сочувственно покачал головой. – Ужасно, просто ужасно.

– Ага, конечно, хотя я на самом деле не понимаю...

– Да будет тебе известно, я разделяю твое мнение, – перебил ее Бекстрём и кивнул в подтверждение своих слов. – Так, значит, такса Фриденсдаль чуть не погубила крольчонка, ты это имеешь в виду?

– Нет, вовсе нет. У Фриденсдаль нет никакой таксы. Именно поэтому она покинула «Друзей животных», в знак протеста против их почти болезненного интереса к котам, собакам, лошадям и прочим четвероногим существам, которые только и существуют для улады своих хозяев и хозяек и обеспечения их странных потребностей. Именно поэтому она и несколько других членов данной организации основали движение «Защитим братьев наших меньших».

– Приятно слышать. – Бекстрём с облегчением вздохнул. – Приятно слышать. А я почему-то решил, что это была такса Фриденсдаль.

– Я не понимаю...

– Я целиком и полностью разделяю ее позицию, в чем ты, надеюсь, не сомневаешься, – сказал Бекстрём. – В детстве я, конечно, рос вместе с собаками и кошками, но как только переехал из дома и у меня самого появились домашние животные, тогда совсем другие стали ближе моему сердцу.

– И какие же именно? – Росита Андерссон-Трюгг с недоверием уставилась на него.

– Самые разные, – признался Бекстрём. – Кого у меня только не было за все годы. Золотая рыбка по имени Эгон, например. Забавный маленький плутишка. Как он шустро плавал! А сейчас у меня живет попугай, его зовут Исаак. Мы можем сидеть все выходные и разговаривать, он и я. Да-а, у меня перебивало много маленьких друзей за все годы. И еще, кстати, есть восточный палочник тоже.

– Восточный палочник?

– Да, насекомое, такое странное существо. Я назвал его Занозой. Что ты думаешь об этом?

– Занозой?

– Да, – подтвердил Бекстрём. – Занозой. Знаешь, я убежден, что он понимает меня, когда я разговариваю с ним. Мне кажется, он реагирует, стоит мне назвать его Занозой. У меня есть привычка ставить его на стол, когда я завтракаю по утрам. Он, знаешь ли, живет в маленьком стеклянном сосуде. В общем, мы делим втроем квартиру: Исаак, Заноза и я.

Росита Андерссон-Трюгг сидела молча почти минуту. Затем всплеснула руками, откашлялась несколько раз с целью перевести дыхание, прежде чем снова смогла говорить.

– Знаешь, Бекстрём, у меня и мысли не возникает, что ты сидишь здесь и врешь мне прямо в глаза. Просто это абсолютно не вяжется с тем, что ты говорил на встрече позавчера.

– О чем это ты? – спросил Бекстрём с невинной миной.

– Ну, если я правильно помню, ты назвал заявительницу, Фриду Фриденсдаль, чокнутой на встрече в понедельник.

– Да, но это чистое недоразумение, – нахмурился Бекстрём. – У меня просто создалось неправильное мнение о ее обществе. «Защитим наших братьев меньших». Мне пришлось в голову, что она забросила защиту животных, а взамен принялась заботиться о чертовых малолетках. Поэтому и ушла из «Друзей животных», а вовсе не из-за их слишком трепетного отношения к котам и собакам.

– О ком ты? Какие еще чертовы малолетки?

– Ну, обычные сорванцы, которые пачкают краской из баллончиков вагоны в метро и отрывают ноги у всяких жучков. Ты понимаешь, что я имею в виду?

Совершенно очевидно, у Роситы с пониманием возникла проблема. Она ошарашенно смотрела на него, и стоило ему еще чуть-чуть продолжить в том же духе, как он стал бы свидетелем чуда. Впервые в человеческой истории смог бы наблюдать, как глаза вывалились из глазниц исключительно от удивления.

– Послушай меня. – Бекстрём поднял руку в попытке остановить поток эмоций, который она собиралась выплеснуть на него, и дать ей время взять себя в руки. – Ты же знаешь Кайсу? Нашу Кайсу с крысой.

– Да, мы пользователи одной социальной сети – «Женщины полицейские за животных».

– Можно поверить в это. Я всегда просто восхищался Кайсой. Могу даже утверждать, что, когда она создала наш новый отдел по защите животных, это стало самой значительной реформой в истории шведской полиции.

– Ага, вот как. Ну, в данном вопросе я целиком и полностью согласна с тобой.

– Да конечно. И кроме того, у нашей дорогой Кайсы есть один интерес, который я разделяю. Наверняка и ты тоже. Ну, ты же, разумеется, знаешь о ее огромной любви к крысам?

Росита Андерссон-Трюгг довольствовалась лишь кивком.

– У меня та же история, – сообщил Бекстрём, откинулся на спинку стула и воздел руки к потолку, точно хотел обнять весь мир.

– Я любил крыс всю мою жизнь, – продолжал он. – Их и мышей. Всех подряд, больших и маленьких, а еще японских голых крыс, совсем без меха, как тебе наверняка известно. Не говоря уже о мышах, лесных, землеройках, танцующих и обычных домашних, конечно. – Бекстрём опустил руки и широко улыбнулся своей посетительнице. – Так обстоит дело, – продолжил он с нажимом и, положив ладони на колено, энергично кивнул. – Сейчас, раз уж ты все равно здесь, есть еще одно дело, над которым я давно думал. Как тебе наверняка известно, у нас в Вестерорте собираются учредить новую должность полицейского по защите животных. Ему вдобавок придется тесно сотрудничать с коллегами из аналогичного отдела городской администрации и постоянно поддерживать с ними связь. И знаешь, Росита, мне кажется, это место прямо создано для тебя.

– Здорово, что ты говоришь так, Бекстрём. Я собиралась просить о нем.

– Тогда я при первой же возможности переговорю с нашим руководством. Обещаю, будь уверена.

– Спасибо, Бекстрём. Спасибо. Мне надо попросить у тебя прощения. Я неправильно тебя поняла...

– Забудь, забудь об этом, – отмахнулся Бекстрём. – Анна Хольт, конечно, непростой человек, но она прислушивается ко мне, не сомневайся. Недавно она даже рассказала мне, что подумывает завести кота. Ее мужчина работает в Государственной комиссии по расследованию убийств, и ей часто приходится сидеть дома одной. И просто-напросто нужна компания.

– И какой совет ты ей дал?

– Отговорил, естественно. Ты же понимаешь? Как кошки относятся к крысам и мышам?

– Спасибо, Бекстрём, сердечное спасибо. – Росита Андерссон-Трюгг кивнула и посмотрела на него блестящими от слез умиления глазами.

Как только главная чокнутая его отдела удалилась, Бекстрём позвонил своему боссу Анне Хольт и попросил ее о встрече.

– В чем дело? – спросила Хольт.

– Это не телефонный разговор, – ответил Бекстрём. – Речь идет о важнейшем, практически решающем для работы моего отдела вопросе.

– Ну хорошо, тогда увидимся через пять минут. У тебя будет десять минут.

– Речь идет о должности полицейского по защите животных здесь, в Вестерорте, – сказал Бекстрём, как только переступил порог кабинета Анны Хольт. Он не хотел напрасно тратить время, помня об ожидавшем его обеде.

– Тихий ужас, – сказала Хольт всем своим видом подтверждая, что именно так она и считает. – Я, как и ты, тоже абсолютно не в восторге, но решение уже принято на уровне лена, высшим полицейским руководством, и совершенно независимо от моего мнения...

– Что ты думаешь о коллеге Андерссон-Трюгг, – перебил ее Бекстрём.

– Значит, без нее ты в состоянии обойтись, – констатировала Хольт со слабой улыбкой.

– Да, – подтвердил Бекстрём.

– Так и поступим, – сказала Хольт. – Я сама подумывала об этом. У тебя есть положительные стороны, Бекстрём.

В четверг 30 мая дождь наконец закончился. Порой из-за облаков даже выглядывало неяркое солнце. Там на небе, кроме того, якобы находился целый город, во всяком случае

так Бек-стрёма учили в детстве, когда он ходил в воскресную школу. Но город этот слишком высоко, поэтому и невидим для человеческого глаза. Так рассказывала ему учительница.

День начался зловеще (он едва успел сесть за свой письменный стол, как ожил его телефон), но стоило ему услышать, кто звонит, ситуация сразу изменилась. Кардинально и в лучшую сторону, и это воспринялось как знак того, что проблемы недели подошли к концу. Ведь покой Бекстрёма осмелилась нарушить его новоиспеченная сотрудница, инспектор Йенни Рогерссон, которой понадобилась помощь шефа в связи с расследованием таинственного избивения на парковочной площадке перед дворцом Дроттнингхольм.

– Я чувствую, что мне необходим хороший совет, – сказала она. – Поэтому, если бы шеф смог уделить мне пять минут, моя благодарность не знала бы границ.

– Естественно, Йенни, – с жаром поддержал Бекстрём. – Моя дверь всегда для тебя открыта, ты же знаешь.

«Не только дверь», – подумал он, когда положил трубку и на всякий случай проверил, не забыл ли застегнуть ширинку.

Уже больше месяца назад у Бекстрёма состоялся разговор с его бывшим сослуживцем и коллегой инспектором Яном Рогерссоном из комиссии по расследованию убийств Государственной криминальной полиции, собственно позвонившим из-за своей дочери. До Рогерссона дошли разговоры о вакансии в отделе тяжких преступлений Бекстрёма.

– А где она сейчас работает? – уклончиво спросил Бекстрём, хоть у него и мысли не возникло брать к себе в штат кого-то из детей Рогерссона. Тот наделал наверняка полдюжины таких с соответствующим количеством недалеких мамочек, и, по слухам, по крайней мере половина из них стала полицейскими. Особым умом они уж точно не отличались и вдобавок наверняка выглядели просто дьявольски.

«Что касается внешности, они все, наверное, один в один папочка», – подумал Бекстрём.

– Она сидит в отделе профилактики преступлений в Сёдермальме, – сообщил Рогерссон. – Среди бездельников в новенькой униформе, и уже устала от пенсионеров и сопляков, с которыми ей приходится сюсюкаться целыми днями.

– Боюсь, это может стать проблемой, – посетовал Бек-стрём. – Ты же знаешь, как бывает, если хочешь забрать к себе кого-то. Не так, как в прежние времена, когда...

– Но, черт побери, Бекстрём, – перебил его Рогерссон. – Ты же говоришь со мной. С Рогге, твоим другом, если быть честным, единственным твоим другом на всей планете, с которым ты вместе ходил в школу полиции.

– Какой еще лучший друг? – удивился Бекстрём. – Настоящий мужчина вроде меня справляется со всем сам, при чем здесь друзья. – «Во всяком случае в том мире, где я живу, где человек человеку волк».

– Хорошо, – сдался Рогерссон.

– Да, и обещаю поговорить с ней, – буркнул Бекстрём. «Иначе этот идиот никогда не отстанет», – решил он.

– Just fix it<sup>4</sup>, – сказал Рогерссон. А потом положил трубку.

Неделю спустя он встретился с ней в первый раз. Она пришла к нему, переступила порог его офиса и осветила всю его комнату улыбкой, протянула ему руку и представилась.

– Йенни Рогерссон, – прошептала она. – Приятно наконец встретиться с лучшим другом папы.

– Садись, садись, Йенни, – сказал Бекстрём и показал на стул для посетителей.

---

<sup>4</sup> Просто устрой это (англ.).

«Нет, ты уж точно не можешь состоять в родстве с этим придурком, – подумал он. – Наверное, где-то спрятана скрытая камера, и кто-то решил посмеяться надо мной».

Сейчас она сидела там снова в юбке на десять сантиметров выше колен, слегка наклонившись вперед, с длинными белыми волосами, красными губами, белыми зубами и глубокой ложбиной между тяжелыми грудями.

«Совсем близко, и всего-то надо наклониться вперед и заключить ее в свои объятия», – подумал Бекстрём.

– Что я могу сделать для тебя, Йенни? – спросил он, откинулся на спинку стула и одарил ее улыбкой в стиле Клинта Иствуда. «Не самой широкой для начала, чтобы она сразу не села на шпагат».

Йенни пришла получить совет относительно своего дела об избиении у дворца Дроттнингхольм. Расследования, которое, похоже, буксовало на месте. С анонимным заявителем и жертвой преступления, категорично отрицавшей свое участие в нем. К тому же, когда накануне она разговаривала с сотрудниками Главной криминалистической лаборатории, те сообщили, что смогут сделать анализ ДНК не раньше, чем через месяц.

– И как мне быть сейчас? – спросила Йенни и вздохнула обреченно. – Особенно, когда у меня даже нет потерпевшего, желающего разговаривать со мной.

– В архив это дерьмо, – распорядился Бекстрём.

– Я пришла к той же мысли, – согласилась Йенни. – А потом решила, переправить все в полицию безопасности для сведения.

– В полицию безопасности? – переспросил Бекстрём, и ему стоило труда скрыть удивление. – И почему же?

– Да просто основываясь на особых инструкциях, регламентирующих наши действия здесь, в Вестерорте. Согласно им мы ведь обязаны информировать полицию безопасности обо всех происшествиях в нашем округе, возможно хоть как-то касающихся двора, короля или его семьи. Речь идет об обычных мерах безопасности. И Дроттнингхольм, и Хага находятся на нашей территории, и, если я правильно поняла эти указания, полиция безопасности хочет иметь сведения обо всех делах, территориально или как-то иначе связанных с главой государства и его близкими. Даже если кто-то сопрет велосипед около дворца Дроттнингхольм, они все равно хотят знать об этом.

– Да, им больше нечем заняться, – проворчал Бекстрём и тяжело вздохнул.

«Чертовы супермены, – подумал он. – Хотя король, похоже, неплохой парень. Пока вроде не пятнышка на нем. Вполне нормальный, если судить по всему тому, что писали в газетах за последний год».

– О'кей, – сказала Йенни и улыбнулась снова. – Забавно, что мы с шефом пришли к согласию. Что у нас одинаковое мнение, я имею в виду.

«Ах, если бы ты только знала мое мнение!» – про себя усмехнулся Бекстрём.

– Я могу еще чем-то тебе помочь? – спросил Бекстрём и кивнул неторопливо и с достоинством.

– Меня мучает один вопрос. Только обещаю сохранить все между нами?

– Я слушаю, говори, – подбодрил девушку Бекстрём. Он наклонился вперед, оперся локтями о поверхность стола и сформировал из пальцев арку.

– Я подумала об Аннике, коллеге Аннике Карлссон, – сказала Йенни, наклоняясь и понижая голос. – А правда, что она... ну как бы это сказать...

Йенни в качестве объяснения согнула левую руку в виде греческой буквы лямбда.

– Она пыталась заигрывать с тобой? – спросил Бекстрём. «Чертова лесбиянка тут как тут».

– Мне так показалось, – смущенно улыбнулась Йенни. – В принципе, меня это особенно не трогает, но я сама гетеросексуалка, категоричная гетеросексуалка.

– Приятно слышать, – сказал Бекстрём и на сей раз продемонстрировал улыбку Иствуда во всей красе, поскольку время доставать свою суперсалютами явно приближалось.

## 17

Только в пятницу Бекстрём почувствовал запах свободы, сначала слабый, но все более усиливающийся по мере того, как день подходил к концу, и как обычно он провел его на конференции. Ведь от каждого желающего быть знающим и достойно несущим службу обществу полицейского требовалось не закоснеть в профессиональном смысле, постоянно развиваться. И при любой возможности он указывал на это своим помощникам.

Даже в той организации, где он трудился, наконец поняли, что иначе нельзя эффективно бороться с преступностью. И в результате полицию просто захлестнула волна всевозможных форм обучения. Тягу к знаниям среди стражей закона, казалось, невозможно утолить, и сам Бекстрём с этой точки зрения стал просто образцом для коллег.

И отчасти благодаря разборчивости, которую он демонстрировал, выбирая, какие из многочисленных курсов и конференций ему стоит посещать. А это уж точно нетривиальная задача при поистине бесконечном количестве предложений, охватывавших самые разные темы и области знаний. Сам он предпочитал пятничные мероприятия, проходившие вне обычной полицейской среды, поскольку она в какой-то мере негативно отражалась на способности говорить и мыслить. И проводившиеся как можно ближе к его расположенному на Кунгсхольмене жилищу.

Желательно было также, чтобы они начинались не слишком рано и заканчивались не слишком поздно, иначе это могло неблагоприятно отразиться как на его готовности усваивать знания, так и на способности позднее, в одиночестве, оценить процесс, в котором он только что принимал участие. Плюс, чтобы по окончании занятий все новоиспеченные ученики могли встретиться и не спеша обсудить то, чем они занимались в течение дня. Зато работа небольшими группами и особенно такая, где требовалось отвечать на разные задания в письменной форме, в его понимании могла резко ограничить творческий подход участников.

Со всех этих важных точек зрения ожидавшая его сегодня конференция выглядела исключительно многообещающей. Она проводилась в конференц-зале большого отеля в городе, совсем рядом с его квартирой (опять же при отличной летней погоде), должна была начаться с кофе и общего собрания в девять утра и закончиться дискуссией уже в три пополудни, чтобы прибывшие на нее издалека коллеги смогли без проблем добраться к своим близким и любимым еще до полуночи.

И тема тоже представлялась интересной (*О правде, лжи и языке тела*), поскольку предназначалась в первую очередь сотрудникам криминальной полиции и особенно тем из них, кому приходилось выступать в роли руководителей допросов при расследовании тяжких насильственных преступлений.

«Лучше не придумаешь», – подумал Бекстрём довольно, когда уже в четверть десятого вошел в фойе большого конференц-зала, чтобы начать приобщаться к знаниям с чашки крепкого кофе и пары венских булочек.

Вводную лекцию прочитал профессор судебной психологии. Он также выступал в роли организатора всего события, кроме того, защитил диссертацию по его главной теме и почти сразу перешел к тому, что составляло квинтэссенцию его собственного научного труда, а именно постарался объяснить, что в случаях, когда надо отличить правду от лжи, язык тела значит гораздо больше, чем чисто вербальная информация, получаемая от объекта исследо-

вания. И все это с помощью своего компьютера, различных таблиц, фотографий, коротких отрывков из фильмов и под аккомпанемент нескончаемого потока слов в течение целого часа с целью довести до всех и каждого, что же он, собственно, имел в виду.

Личности, отводившие в сторону взгляд и предпочитавшие разглядывать собственные колени, если верить ему, были столь же подозрительными, как и те, кто смотрел прямо в глаза своему дознавателю и начинал отвечать на каждый вопрос, кивая и дружелюбно улыбаясь. И это совершенно независимо от того, сидели ли они спокойно или вертелись на стуле, словно на горячей сковородке.

«Карие бегающие глазки и две маленькие ножки, когда их обладатель, сидя, отбивает ими чечетку, тоже верный признак», – подумал Бекстрём и постарался сесть прямо.

После такого вступления с четким определением главных ориентиров, профессор взялся за дело всерьез и подробно прошелся по всему диапазону, начиная с личностей с обычным нервным подергиванием лица и судорогами и заканчивая теми, которые выглядели чистыми психопатами, и большую часть времени посвятил знаковым элементам поз и движений, встречающихся в этом промежутке. Людям, которые кашляли и хмыкали, в то время как трогали себя за мочку уха и нос, массировали лоб или чесали затылок.

Что касается языка тела, разоблачавшего ложь и дурные намерения, даже полный паралитик не устоял бы перед научным методом, разработанным под руководством профессора. Легкого подергивания ресниц вполне хватало для основательного подозрения, а увеличенный зрачок сразу выдавал самого отъявленного лжеца.

Также существовала интересная связь между голосовыми сообщениями объектов исследования и языком их тела. Люди, начинавшие, по большому счету, все свои ответы со слов «честно говоря», «положа руку на сердце» и «строго между нами» и одновременно трогая мочку уха и поглаживая указательным пальцем нос, принадлежали, таким образом, к наиболее изошренным лгунам. В том мире, где профессор жил и действовал, такое «комбинированное поведение» было равносильно полному признанию.

«Если, конечно, можно верить тому, что он говорит», – подумал Бекстрём. Ведь их лектор сам выглядел крайне подозрительно. Маленький и худой, в измятых джинсах и плохо сидевшем пиджаке, он постоянно перемещал свои толстые очки между кончиком носа и его основанием, когда не держал себя за мочку уха и не водил указательным пальцем вдоль носа.

«Опять же этот придурок слишком много кашляет и хмыкает, – пришел к выводу Бекстрём. – Если бы ты сидел у меня на допросе, я бы помыл тебе рот зеленым мылом, прежде чем отправил в кутузку».

Потом был сделан пятиминутный перерыв, чтобы размять ноги, прежде чем придет время для заключительной игры в вопросы и ответы, а когда слушатели через обычные двадцать минут вернулись на свои места, никто из них не решился брать инициативу на себя.

– Никаких вопросов? – повторил лектор в третий раз и обвел взглядом публику, обдумывая, как ему расшевелить ее и довести свое дело до конца. – Из списка участников я узнал, что к моему удовольствию среди вас находятся несколько самых известных дознавателей страны. Помимо прочих я заметил здесь комиссара Эверта Бекстрёма.

Профессор дружелюбно кивнул Бекстрёму, сидевшему в самом конце зала.

«Интересно, кого это он еще имеет в виду? – задался вопросом Бекстрём и довольствовался лишь кивком в ответ. – И что, черт возьми, происходит с обедом?» Последний вопрос, судя по минам коллег, явно волновал не только его.

– Не мог бы ты поделиться опытом, из твоей практики, когда язык тела использовался как средство отличить правду от лжи? – не унимался лектор.

– Здесь все не так просто, – сказал Бекстрём и с важным видом кивнул. – По данному пункту я полностью согласен с тобой. Но многое ведь приходит с годами. Как, например, умение определить, когда человек врет.

Бекстрём кивнул снова. Еще медленнее, на сей раз с целью придать больше веса своим словам.

– Существуют какие-то особые моменты, позволяющие комиссару определить это?

– Ну, для меня самого есть признак, который сразу выдает допрашиваемого. Стопроцентное доказательство, что он врет мне.

– Крайне интересно, – оживился профессор и, явно сгорая от любопытства, уставился на Бекстрёма. – А можно узнать...

– Естественно, – перебил его Бекстрём и поднял руку в предупреждающем жесте. – При одном условии, однако, что это останется между нами.

Профессор энергично закивал, а, судя по тишине в зале, многие приготовились внимательно слушать.

– Нос, – сказал Бекстрём, и во избежание недоразумений на всякий случай показал на свой собственный. – Их носы растут, когда они лгут.

– Нос? Как у Пиноккио? У него же происходит то же самое, когда он врет.

– Точно, – подтвердил Бекстрём с нажимом. – Это железный признак. Единственный надежный, если ты хочешь знать мое мнение. Ты же сам наверняка думал о нем?

– Извини, но...

– Их носы растут, когда они лгут, – перебил лектора Бекстрём. – Я видел это много раз, собственными глазами. Мне особенно запомнился один допрос... Мужик забил насмерть свою любимую супругу и закопал ее в старой куче удобрений. Хотел сэкономить на похоронах. В любом случае он врал как черт, и помнится, я еще подумал, слава богу, он не простужен, поскольку иначе ему понадобилась бы целая простыня, чтобы сморкаться.

– Ты издеваешься надо мной, Бекстрём? – спросил профессор с сердитой миной. – Ты издеваешься надо мной?

– Я не понимаю, с чего ты так решил. – Бекстрём покачал головой. – Посмотри на мой собственный нос, если не веришь мне. Он не вырос ни на миллиметр, пока я отвечал на твой вопрос.

«Получил, придурок, пищу для размышления? – подумал Бекстрём, когда вышел на улицу и взял курс туда, где его ожидал обед. – Пиноккио, значит. Так, выходит, звали чудика из сказки, у которого нос вытягивался, когда он врал. Тогда Питер Пен, наверное, другой идиот. С крыльями за спиной».

## 18

Вторую половину дня он провел как обычно. Сначала хорошо подкрепился в обед, а потом встретился со своей польской массажисткой, Мадам Пятницей, с которой судьба случайно свела его несколько месяцев назад. Она имела небольшой бизнес в квартале, где он жил, и когда рыжеволосая дамочка дважды за одну неделю на его глазах отперла дверь в некое заведение и вошла внутрь, он быстро сообразил, что не стоит упускать шанс.

Однако не стал действовать наобум и, памятуя о том, что единственная настоящая любовь в том дурном мире, где он жил, когда каждый платит за себя сам и наличными, по воле полудурков-политиков, которые пошли на поводу у баб, оказалась вне закона, со свойственной ему осторожностью решил все тщательно проверить. И поговорил со старым коллегой из полиции, известным среди своих как Пелле Порнуха. Тот трудился в группе по борьбе с проституцией и уж точно мог сказать Бекстрёму, нет ли его будущей массажистки в регистре

представительниц самой древней профессии. И не числится ли ее салон в каком-либо списке подозрительных адресов или обычных притонов, находящихся под наблюдением.

И только получив от Пелле отрицательный ответ и обещание сразу же сообщить, если появится информация обратного свойства, Бекстрём поблагодарил за помощь, расплатился бутылкой солодового виски и решил действовать. Для начала он позвонил и договорился о визите. Назвался руководителем фирмы, пожаловался на боль в плечах и суставах и, сославшись на крайне насыщенный рабочий график, попросил назначить ему время перед закрытием в пятницу. Если возможно? А потом нежный голосок массажистки на другом конце линии прошептал, что просто замечательно, если директор Бекман будет последним клиентом в тот день.

\* \* \*

Госпожу Пятницу звали Людмилой, она имела осиную талию и натуральные рыжие волосы, и Бекстрёму понадобились только три визита, чтобы выяснить это. Хотя в ее случае речь наверняка шла о любви с первого взгляда, пусть она и старалась скрыть свои чувства.

Во время первого сеанса Бекстрёму, в полотенце вокруг бедер в качестве единственного предмета одежды, сначала пришлось лежать на животе, пока Людмила пыталась вдохнуть новую жизнь в его окостеневшие мышцы и суставы. И в то время как напряжение покидало их под ее умелыми руками, оно, казалось, прямой дорогой перемещалось в его суперсалями, которая в конце концов стала создавать Бекстрёму неудобства, пока он не перевернулся и не стащил с себя свое одеяние.

– Ой, ничего себе! – воскликнула Людмила, широко распахнув глаза при виде, во что вылился массаж его спины с передней стороны.

– Да уж вот так. – Бекстрём одарил ее своей далеко не самой широкой иствудовской улыбкой. – Здесь тебе есть над чем поработать.

«Любовь с первого взгляда», – решил он, натягивая брюки по окончании процедуры. Пусть все началось с обычной работы руками, но в любом случае заключительная фаза была выполнена со знанием дела.

На следующей неделе его собственная Мадам Пятница начала встречу с объятий и поцелуев в щечку, как только он вошел в дверь, и закончила первоклассным минетом, за который Бекстрём смог сполна расплатиться уже неделю спустя. Тогда он предложил ей райский кун-нингус, констатировал, что она натурально рыжая и настоящая женщина, и в конце концов от души прокатил ее на своей суперсалями.

«Чисто юношеская влюбленность», – подумал Бекстрём, в третий раз натягивая брюки в одном и том же заведении. Так у него появилась собственная Мадам Пятница, и уже в течение нескольких месяцев он абсолютно одинаково заканчивал каждую неделю на службе закону.

## 19

Конечно, на неделе у него хватило тяжелой работы, но сейчас наконец пришла суббота, и даже такой простой воин на страже закона, как Бекстрём, мог вложить свой меч в ножны и наслаждаться заслуженным отдыхом. Опять же пришлось время поближе исследовать, как обстоит дело с происхождением малышки Йенни и тем самым избежать неприятных сюрпризов инцестуального характера. Если он сейчас собирался дать ей испробовать свою суперсалями, то в любом случае хотел вовремя убедиться, что ее так называемый отец, инспектор Ян Рогерссон, не окажется в непосредственной близости от нее, пусть даже в качестве официального представителя.

Ему достаточно было лишь подумать об этом деле, а воображение уже рисовало страшные картинки. И пусть часы показывали только одиннадцать утра, пришлось избавляться от них при помощи экстренной дозы алкоголя, прежде чем он собрался с силами и смог позвонить Рогерссону с предложением встретиться и перекусить.

– Первое пиво за мной, а потом уже разбирайся сам, – добавил Бекстрём, чтобы у такого любителя поесть на халяву, как Рогерссон, не возникло никаких иллюзий на сей счет.

Инспектор посчитал это замечательной идеей и даже предложил посетить ресторан около его дома в Сёдере. Там правили бал два серба, Марко и Янко. Они готовили просто замечательное мясо по вполне приемлемой цене, а поскольку знали, где работает Рогерссон, он и его гость могли рассчитывать на пиво за счет заведения.

– Хорошие парни, – сказал Рогерссон. – Закажешь шесть, можешь не сомневаться, получишь восемь. Опять же там в баре обычно висают приятные дамочки, а о всяких педиках тебе даже не стоит беспокоиться. Если кто-то забредает туда по ошибке, Янко сразу выставляет его за дверь.

В результате они уже полчаса сидели в ресторане. И сейчас расправлялись со вторым бокалом халявного пива, получив вдобавок по порции «крепышка», поскольку официант расстарался по максимуму, стоило ему понять, что сам легендарный Эверт Бекстрём почтил его кабаком своим вниманием.

– За нас, Бекстрём, – провозгласил тост Рогерссон. – Как там моя дочь, малышка Йенни?

– Хорошо, – ответил Бекстрём и добавил несколько туманно: – Я полагаю, все может стать по-настоящему хорошо, в будущем. – «Хотя ты и представить не можешь, с какой стороны».

– Вся в отца, – сказал Рогерссон с нотками гордости в голосе и сделал пару больших глотков.

– Хотя вы не особенно похожи, – заметил Бекстрём. «Этому уродливому идиоту стоит обзавестись зеркалом».

– У нее такая же голова, как у меня. – Рогерссон в качестве уточнения постучал себя по правому виску. – Девчонка не глупей нас с тобой, Бекстрём. У моей малышки Йенни настоящие полицейские мозги. Знаешь, она взяла мою фамилию, когда поступала в школу полиции?

– Да, мне помнится, ты говорил об этом. – Бекстрём кивнул в знак подтверждения своих слов.

– А внешность, если тебя интересует, ей досталась от матушки, – продолжил Рогерссон. – Они похожи как две капли воды. Гун, ее мать, славная девчонка, она работает парикмахершей в Йёнчёпинге. Сама оттуда. Ей сорок пять сейчас, но никто, видевший ее, не дает столько. Выглядит самое большее на тридцать. Конечно, не блещет умом, но определенно одна из лучших баб, какие у меня были. С женщинами так часто случается: если Бог не отвесил им мозгов, они берут свое в койке. Она по-прежнему дьявольски хороша, если тебе интересно. Я случайно проезжал Йёнчёпинг несколько месяцев назад, и мы вспомнили старое.

«А история выглядит все лучше и лучше, – подумал Бекстрём. – Пожалуй, дело может закончиться маленькой групповухой».

– Как ты познакомился с ней? С матерью Йенни, – спросил он.

– Да случайно проезжал мимо, – ухмыльнулся Рогерссон. – Это было в восьмидесятых, в те времена, когда наш до сей поры неизвестный преступник отправил на тот свет Пальме. Я трудился в отделе по борьбе с наркотиками Стокгольма, и меня одолжили Государственной комиссии по убийствам, у них чертовски не хватало людей, как ты понимаешь. Потом случилось убийство в Йёнчёпинге, и нас отправили туда. Зарезали заведующего заправочной станцией. Вообще-то собирались ограбить, но ситуация вышла из-под контроля. Так вот в связи с этим местные полицейские заинтересовались одним из бывших парней Гунсан. Она была немного шальной бабенкой. Ничего странного, пожалуй, при ее-то внешности.

– И это сделал он? Ее парень? – спросил Бекстрём.

«Немного шальная, звучит неплохо, – подумал он. – Скорее всего, какой-то местный парнишка без гроша в кармане обрюхатил Гун и позволил Рогерссону взять грех на себя».

– Нет, – Рогерссон покачал головой. – Там отличилось другое дарование из местных. Но не из числа знакомых малышки Гунсан. Мы управились с этим делом за неделю. Поэтому все с ней у нас получилось по-быстрому – ну, ты понимаешь. Ей только исполнилось восемнадцать, – сказал он и вздохнул. – Мы славно провели время, Бекстрём. Хотя о женитьбе и речи не шло. Меня же ждали в Стокгольме. И работа, и невеста. Первому чаду шел третий год, и второй был на подходе.

«Могу представить себе», – подумал Бекстрём и довольствовался кивком.

– Хотя мы поддерживали связь все годы. Йенни и Гун никогда не испытывали нужды. Все сложилось хорошо для Гун, по-настоящему хорошо. У нее два собственных салона красоты. Она зарабатывает больше, чем мы с тобой вместе.

«Да нет, – мысленно поправил его Бекстрём. – Говори за себя».

– Выпьем за Йенни, – предложил Рогерссон и поднял свой бокал.

– За нее, – поддержал Бекстрём. «Здесь есть чем поживиться. Мать и дочь. Еще как может получиться замечательная групповуха».

Потом они оставили эту тему и очень плотно поужинали, прежде чем переместились в бар и закончили вечер на обычный манер, как и положено настоящим полицейским. Все получилось даже столь хорошо, что утром Бекстрём ничего толком не помнил, но он, во всяком случае, проснулся дома в собственной кровати фирмы «Хестенс».

В ней он пролежал, по большому счету, весь день, прежде чем пришел в себя настолько, что смог прогуляться в свой любимый ресторан по соседству и поужинать, пусть и довольно рано.

В итоге у него получилось настоящее «домашнее» воскресенье – ближе к вечеру он сел за свой секретный компьютер, чей айпи-адрес никак нельзя было привязать к нему, и немного позанимался собственным фан-клубом в Сети с помощью ником Красная шапочка и Любопытная блондинка, которых объединяло то, что обе испытали на себе как его суперсалями, так и райский куннинлингус.

– Теперь другие дамочки получают пищу для размышления, – довольно потер руки Бекстрём, выключив компьютер после того, как Красная шапочка доверительно рассказала им, какими ресурсам располагает их кумир.

Он лег в постель, когда на часах было еще детское время, несколько порций солодового помогли ему восстановить силы перед понедельником, а потом заснул. Проспал сном праведника целых пять часов, пока его не разбудил телефон, возвестив о начале нового дня. Понедельника 3 июня, которому предстояло стать лучшим днем в его жизни. Да, время чудес явно еще не прошло для него.

### III. Расследование убийства адвоката Томаса Эрикссона. Начальная фаза

#### 20

Бекстрём вошел в прихожую жилища своей последней жертвы убийства. Анника Карлссон уже ждала его там. Она протянула ему бахилы и пластиковые перчатки, кивнула в направлении лестницы, ведущей наверх.

– Там, вроде бы, все и произошло, – сказала она. – Его нашли в зале на втором этаже. Это большая комната, пятьдесят – шестьдесят квадратных метров, которую он, похоже, использовал одновременно в качестве кабинета и гостиной, и к ней снаружи примыкает большая лоджия.

– Тело все еще лежит там? – перебил ее Бекстрём.

– Естественно, поскольку я посчитала, что ты захочешь осмотреть его на месте. Судмедэксперт уже покинул нас. Он уехал пятнадцать минут назад. Ниemi и Фернандес наверху, но с лестницей они закончили, так что можно подняться.

– И что он сказал? Дяденька доктор, – уточнил Бекстрём.

– Убийство, – ответила Карлссон. – Удар тупым предметом по голове, но это любому видно. Весь затылок разбит. Череп стал совсем плоским. Покойный выглядит хуже не придумаешь.

Бекстрём довольствовался лишь кивком. Он сел на стул и не без труда надел бахилы на обувь, а потом поднялся и натянул на руки пластиковые перчатки.

– Я прямо горю от нетерпения, – сказал Бекстрём.

– Еще кое-что, – привлекла его внимание Анника Карлссон, понижая голос.

– Я слушаю – «Что еще она придумала?»

– У Эрикссона там... – Анника Карлссон кивком показала в сторону верхнего этажа, – компьютер. Он стоит на письменном столе. Когда я была наверху до тебя, Ниemi рассказал, что на нем явно работали и он сейчас не запаролен. Я предложила ему воспользоваться случаем и скопировать жесткий диск...

– Так в чем проблема? – перебил ее Бекстрём.

– На нем есть наклейка, он принадлежит адвокатской фирме «Эрикссон и партнеры», в результате Ниemi захотел сначала обсудить это дело с прокурором.

– Чертов трус, – ухмыльнулся Бекстрём.

– Поэтому я сделала все сама, – сообщила Анника Карлссон и протянула Бекстрёму маленькую красную флешку.

– И как отреагировал Ниemi?

– Никак, – ответила Анника Карлссон и улыбнулась: – Он и Фернандес вышли попить кофе.

– Разумно с их стороны, – констатировал Бекстрём и сунул флешку в карман.

«Лучший день в моей жизни, – подумал он. – Такой, когда все просто идет своим чередом, и ничто уже не сможет помешать».

Бекстрём остановился на верхней ступеньке лестницы и окинул взглядом зал на втором этаже дома, который сейчас был для него местом преступления. В центре комнаты стоял большой, старинный, выполненный в английском стиле письменный стол из отполированного до блеска благородного дерева неизвестного Бекстрёму происхождения и с поверхностью, покры-

той зеленой кожей. Стул перед ним соответствовал ему по стилю. Деревянный, с подлокотниками, с сиденьем и спинкой, обитыми тем же материалом и того же цвета, как и поверхность стола.

На полу между лестницей и письменным столом лежал убитый. На спине, параллельно столу и с руками, вытянутыми вдоль тела, в кожаных тапках, серых брюках свободного покроя и белой льняной рубашке с расстегнутым воротником и закатанными рукавами. Удобно и неформально одетый, даже перед последней встречей в жизни, когда пришлось столкнуться со своей смертью, а в остальном покойник точно соответствовал описанию Анники Карлссон. Его лицо от волос до подбородка и шея были залиты кровью, она также попала на белую рубашку на груди, в то время как разбитый затылок покоился на полу.

– Ага, – сказал Бекстрём и кивнул Ниemi, стоявшему с другой стороны письменного стола и, судя по всему, пытавшемуся снять отпечатки пальцев с черного мобильного телефона. – Как думаешь, Петер? Просто несчастный случай или обычное само убийство?

– Да нет, – ответил Петер Ниemi с еле заметной улыбкой. – Тебе не стоит беспокоиться по данному пункту. Если верить судмедэксперту, который недавно побывал здесь и взглянул на него, речь идет о хрестоматийном примере смертельного избиения классическим тупым предметом. В данном случае досталось голове и шее жертвы. Ей проломили затылок, по крайней мере, тремя-четырьмя ударами, помимо остальных.

– Орудие убийства?

– Мы не нашли ничего такого в доме, хотя здесь хватает кочерег и подсвечников. Если тебе интересно мое мнение, использовалась обычная железная труба или бейсбольная бита довольно компактной модели. Нечто круглое, твердое и длинное, в меру толстое, чтобы держать в руке, обеспечивающее нормальный выигрыш в силе при ударе. Зато топоры, молотки и другие инструменты с острыми кромками ты можешь сразу исключить.

– Он так и лежал, когда вы нашли его? На спине? – Бекстрём кивнул в сторону мертвого тела.

– Нет, на животе, с правой рукой под грудной клеткой и левой закинутой над головой. Но его голова находилась на том же месте, где и сейчас, и тело располагалось так же, параллельно письменному столу. Один из коллег из службы правопорядка, прибывший сюда в первой патрульной машине, сфотографировал убиенного на камеру мобильного телефона, в то время как его напарник констатировал, что бедолага мертв. Тот парень явно работал санитаром на скорой, прежде чем стал полицейским. Когда мы с Фернандесом прибыли сюда час спустя, он лежал так, как они нашли его. Мы перевернули тело, когда приехал судмедэксперт. Тогда я нашел этот мобильник, – сказал Ниemi и поднял в руке черный телефон. – Он лежал под телом. Похоже, покойный держал его в руке, но, наверное, выронил, падая.

– Странно, – сказал Бекстрём.

– О чем ты?

– Никаких брызг. – Бекстрём показал на натертый до блеска паркет вокруг мертвого тела и белый потолок над своей головой. – При мысли о том, что он получил удары по затылку, красные пятна должны ведь находиться повсюду. Пол должен быть в крапинку, потолок тоже, но я вижу только лужу крови там, где лежит голова.

– Ты не единственный, кого это смутило, – констатировал Ниemi. – Нас с Фернандесом тоже, когда мы пришли сюда.

Он кивнул в направлении своего одетого в белое коллеги в другом конце комнаты, целиком и полностью занятого попытками отодвинуть большой диван, стоявший вплотную к стене.

– Может, его просто били в другом месте, и там разбили ему черепушку, а потом притащили сюда тело и положили.

– Это стало нашей первой теорией, – кивнул Ниemi. – Но мы не нашли никакого другого места в доме, где подобное могло случиться. Также никаких признаков, указывающих на то,

что тело перемещали. Никаких следов волочения, ни одной капли, упавшей по пути, если его несли. Другая возможность естественно состоит в том, что ему надели на голову мешок, прежде чем начали избивать, и в результате кровь осталась в нем. А его забрали, уходя.

– Звучит слишком неправдоподобно, – заключил Бекстрём.

– Пожалуй, – согласился Ниemi и пожал плечами.

– Странно, – вновь повторил Бекстрём.

– К сожалению, это не единственная странность в данном деле, – констатировал Петер Ниemi с кривой улыбкой.

– Я слушаю. – Бекстрём кивнул ободряюще.

– Там, как раз над письменным столом, сидит пуля. – И Ниemi показал пальцем на белый потолок.

– Ничего себе, – буркнул Бекстрём и подался вперед, чтобы лучше видеть.

– Судя по углу, стреляли прямо вверх. Она вошла внутрь на несколько сантиметров. Я видел ее, когда осветил в отверстие, но еще не выковырял.

– Бинго! Я сейчас нашел пулю номер два, – констатировал Фернандес. – Она застряла здесь в диване. – Он показал на отверстие в спинке, откуда выглядывала белая набивка.

– Черт, это начинает напоминать настоящую гангстерскую войну, – сказал Бекстрём.

– Да, и мы припасли лучшее на десерт, – произнес Ниemi с невинной миной.

– Что? Еще лучше? – недоверчиво уточнил Бекстрём. «Но это же невозможно».

– Мы нашли еще один труп, он лежит там, на лоджии. – Ниemi показал рукой в сторону двойной стеклянной двери, ведущей на широкий деревянный помост, за которым в отдалении сверкали на солнце волны озера Меларен.

– Еще один труп, – повторил Бекстрём. – Ты издеваешься надо мной?

– Нет, – покачал головой Петер Ниemi. – Второй покойник.

– Его тоже убили? – Бекстрём подозрительно посмотрел на Ниemi.

– Определенно, – кивнул Ниemi.

– Вне всякого сомнения, – подтвердил Фернандес. – У него перерезано горло.

«Абсолютно точно лучший день в моей жизни», – подумал Бекстрём, когда четверть часа спустя покинул жилище жертвы и взял курс на такси, уже стоявшее в ожидании его ниже по улице.

## 21

Примерно в то время, когда комиссар Бекстрём покинул место преступления на Ольстенгатан в Бромме, чтобы поехать в здание полиции Сольны и собрать первое совещание своей розыскной группы, исполняющей обязанности старшего прокурора Лизе Ламм позвонил на домашний телефон ее верховный босс, главный прокурор Стокгольма, и соизволил сообщить, что он принял решение назначить ее руководителем расследования убийства, которое, вероятно, произошло самое большое сутки назад.

– Жертва не самый последний человек в нашем мире, – сообщил главный прокурор и кашлянул. – Речь идет об адвокате Томасе Эрикссоне, и его, скорее всего, убили в собственном доме в Бромме в воскресенье вечером или сегодня ночью. Наша жертва успела засветиться в средствах массовой информации, как ты наверняка знаешь. – Главный прокурор снова покашлял.

– Томас Эрикссон, тот самый, кого вечерние газеты называли любимым адвокатом мусульманской мафии? – Лизе Ламм стоило труда скрыть свое удивление.

– Точно, именно он, – подтвердил главный прокурор. – Как ты, конечно, понимаешь, дело может получиться сложным и неприятным, в зависимости от того, чем все закончится.

Поэтому, если испытываешь хоть малейшее сомнение, желательно сказать уже сейчас. В таком случае я смогу найти кого-нибудь другого.

Главный прокурор кашлянул в третий раз.

– Нет, – ответила Лиза Ламм. – Я прямо-таки рвусь в бой.

– Замечательно, – сказал главный прокурор. – Если возникнут хоть какие-то проблемы, сразу же звони мне. Кроме того, я хочу, чтобы ты постоянно держала меня в курсе.

– Естественно, – сказала Лиза Ламм.

«Адвокат Томас Эрикссон, ничего себе, – подумала она, положив трубку. – Вестерортский полицейский округ. Там есть, по крайней мере, один человек, кого я знаю и уважаю».

И она позвонила своему старому знакомому комиссару Тойвонену, шефу криминального отдела полиции Вестерорта.

– Странное совпадение, – констатировал Тойвонен. – Я думал о тебе. Только сейчас сформировал розыскную группу и могу обрадовать. Тебе не придется жаловаться на недокомплект, все согласно инструкциям Государственного полицейского управления о расследовании тяжких преступлений, хотя это получилось очень непросто при мысли о списках отпусков, которые наши бюрократы навязывают мне. Первая встреча через три часа. Ровно в двенадцать здесь, в Сольне. Я уже организовал пропуск для тебя, он лежит у дежурного.

– Спасибо, и группа с тобой в качестве руководителя розыска, если я могу высказать пожелание.

– По данному пункту, боюсь, мне придется тебя разочаровать, – сказал Тойвонен. – Мы подключаем по-настоящему тяжелую артиллерию.

– И кого же тогда?

– Наше все, Эверта Бекстрёма. Самое время старшему прокурору встретиться с ним, человеком с большой буквы, легендой, даже если я сам немного сомневаюсь относительно первой части данного описания.

– И что же он собой представляет?

– Слишком легкой жизни не жди, – констатировал Тойвонен с восторженными нотками в голосе. – Но если слишком достанет, обращайся ко мне, а я, будь уверена, вправлю ему мозги. Мне уже приходилось заниматься этим раньше, так что никаких проблем.

«Итак, Эверт Бекстрём... Стоит сразу взять быка за рога», – подумала Лиза Ламм. Потом она позвонила Анне Хольт, которая была шефом полиции Вестерортского округа и главным боссом Бекстрёма.

– Я ждала твоего звонка и догадываюсь, о чем ты захочешь поговорить, – сказала Анна Хольт, как только Лиза представилась. – Поэтому предлагаю увидеться у меня за четверть часа до того, как ты встретишься с Бекстрёмом и другими.

– Без четверти двенадцать у тебя, это подходит мне просто замечательно, – согласилась Лиза Ламм.

– Прекрасно, – ответила Хольт. – Спасибо за звонок. – И она положила трубку.

– Дело пошло, – сказала себе Лиза Ламм и покачала головой.

## 22

– Пожалуйста, располагайся, Лиза. – Анна Хольт дружелюбно кивнула в направлении трех стульев для посетителей с другой стороны своего большого письменного стола.

– Спасибо, – ответила Лиза Ламм и села.

– Поправь меня, если я ошибаюсь, – продолжила Хольт, одновременно открыв папки, лежавшие перед ней, – но, по-моему, ты хотела поговорить о моем сотруднике Эверте Бекстрёме, твоём руководителе розыска, и если тебя интересует, почему выбор пал на него, то это

мое решение. Бекстрём у меня уже четыре года и сейчас возглавляет отдел расследования тяжких преступлений, и как раз его подразделение у нас занимается убийствами. Я не увидела ни одной причины что-то менять.

– И как у него складываются дела? – спросила Лиза Ламм.

– За время работы у меня он руководил расследованием двенадцати убийств и раскрыл одиннадцать из них. Последнее только неделю назад, поэтому в этом смысле тебе не о чем беспокоиться.

– Нет, я поняла, что он невероятно эффективен. Меня больше волнуют его прежние трения с жертвой убийства, а их, пожалуй, можно считать довольно серьезными. Ведь именно Томас Эрикссон защищал Афсана Ибрагима, когда того обвиняли в том, что он вместе со своим старшим братом Фархадом и жутким типом, чье имя я всегда забываю... пытались убить Бекстрёма в его собственной квартире.

– Хассан Талиб, – напомнила Хольт. – Ты имеешь в виду Хассана Талиба, кузена братьев Ибрагим и их собственную гориллу, если придерживаться терминологии вечерних газет.

– Точно, – поддержала ее Ламм. – Если я правильно помню, все случилось в начале лета... четыре года назад.

– Это было 29 мая, – констатировала Хольт. – Суд состоялся в том же году, в сентябре, и в качестве обвиняемого на нем оказался только Афсан Ибрагим. Как ты наверняка знаешь, его старший брат Фархад погиб, пытаясь сбежать из Каролинской больницы, где находился на излечении по причине пулевого ранения, полученного в связи с попыткой убийства Бекстрёма. Он сорвался вниз и упал на землю с седьмого этажа, когда спускался из окна по веревке. Это, кстати, произошло через неделю после нападения на Бекстрёма. В тот день, когда Фархад пытался бежать, Хассан Талиб умер на операционном столе в результате травм, полученных, когда он набросился на Бекстрёма. Единственным, кто выжил из всей компании, стал братец Афсан, который привез двух других домой к Бекстрёму на Кунгсхольмен. Он не был с ними наверху в квартире, его задержали, когда он сидел и ждал в автомобиле перед подъездом Бекстрёма. Это произошло, по большому счету, одновременно с тем, как у Бекстрёма началась стрельба. Как ты наверняка знаешь, мы следили за ними, и коллеги ворвались в жилище Бекстрёма уже через пару минут после произошедшего. Талиб лежал без сознания на полу в гостиной. Когда он попытался выстрелить в Бекстрёма, тот сбил его с ног, и Талиб очень неудачно для себя ударился головой о придиванный столик Бекстрёма. Бекстрём выстрелил в ногу Фархада, когда тот попытался ударить его ножом. Вот здесь, в папках, все подробности. Включая результаты двух проверок, проведенных отделом внутренних расследований. Там Бекстрёма оправдывают – и тебе это наверняка тоже известно – по всем пунктам. Он действовал исключительно согласно правилам.

– Да, я слышала все это. – Лиза Ламм отодвинула от себя папки с бумагами, которые Анна Хольт положила перед ней. – Меня беспокоит то, что случилось в связи с судебным процессом. По словам Афсана, двое других оказались в квартире у Бекстрёма с целью дать ему деньги. Никто не собирался убивать его. Бекстрём брал взятки, числился у братьев Ибрагим в платежной ведомости.

– Данное объяснение суд не принял в виду отсутствия доказательств, – констатировала Хольт. – И никаких денег ведь не нашли, хотя коллеги ворвались внутрь, по большому счету, одновременно с тем, как все случилось.

– Да, да, – согласилась Лиза Ламм. – Конечно, суд отверг историю Афсана, но одновременно с него сняли обвинение в соучастии в покушении на убийство. Было принято в расчет, что вполне возможно, по глубокому убеждению Афсана, они приехали дать Бекстрёму на лапу, а не убивать его. Его ведь осудили за гораздо менее значительное преступление, он получил всего восемнадцать месяцев тюрьмы. Главным образом по той причине, что имел при себе десять граммов героина, когда его задержали на улице. По большому счету, обвинение против

него осталось недоказанным. Встань суд на сторону прокурора, ему грозило бы пожизненное заключение.

– Да нет, – возразила Хольт. – Если говорить о суде, когда его оправдали в части покушения на убийство, никто, в принципе, не сомневался в его осведомленности относительно их намерения убить Бекстрёма. Но конечно, Томас Эрикссон отлично потрудился. В той манере, которая стала его фирменным знаком в качестве защитника таких, как Афсан и его товарищи. Сеять сомнения и поливать жертву грязью, насколько это возможно. Я сама сидела в зале и слушала его, если тебе интересно.

– Насколько я поняла, процесс получился громким. Сама я не присутствовала, но...

– А я там была, как уже тебе сказала, – перебила прокуроршу Анна Хольт, – и на Бекстрёма вылили ушаты дерьма совершенно напрасно. Плюс он еще получил отдел внутренних расследований себе на шею, и они его также оправдали по всем пунктам. Я приехала домой к Бекстрёму примерно через час после того, как все случилось. Эксперты обследовали всю его квартиру, и мне очень трудно поверить, что он успел бы спрятать пару сотен тысяч наличными, о которых заявили адвокат Эрикссон и его клиент.

– Да, поэтому он вряд ли испытывал теплые чувства к адвокату Томасу Эрикссону, – заметила Лиза Ламм с улыбкой.

– Нет, и в этом отношении он не единственный в полиции. Будь у тебя такое требование, мы вряд ли вообще смогли бы сформировать какую-либо розыскную группу. Почти все коллеги, с кем приходится разговаривать, просто уверены, что адвокат Томас Эрикссон был еще большим мошенником, чем те, кого он защищал.

– Я сама не смогла бы сказать лучше, – констатировала Лиза Ламм. – Ужасная проблема.

– Конечно, это одна сторона дела. Другая состоит в том, что Бекстрём раскроет его для тебя. По его мнению, именно собственная преступная деятельность адвоката привела к тому, что его убили, и он не сомневается, что скоро сможет доказать это. Не беспокойся, он уж точно не будет пытаться спустить дело на тормозах и в конце концов отправить его в архив как нераскрываемое. По мнению Бекстрёма, речь идет о гангстерской разборке.

– Что вряд ли уменьшает основную проблему.

– Верно, – согласилась Хольт. – Но это легкий бриз по сравнению с тем штормом, который разразится, если ты попытаешься поменять Бекстрёма на какого-то другого руководителя розыска. Подумай как следует, Лиза, – продолжила Хольт. – Бекстрём – легенда, если ты убьешь его, вся полиция стеной пойдет на тебя. Не говоря уже об обычных людях. Он ведь собственный Клинт Иствуд всего шведского народа, – закончила Хольт с улыбкой.

Лиза Ламм тоже улыбнулась Хольт:

– Я уже с нетерпением жду, когда начну работать с ним. Человеком с большой буквы, легендой.

– Удачи тебе, – пожелала Анна Хольт.

## 23

Ровно в двенадцать часов комиссар Эверт Бекстрём вошел в большую комнату для совещаний, где состоялась первая встреча розыскной группы, сел с торца стола, поздоровался с присутствующими и предоставил слово своему заместителю Аннике Карлссон.

– Пожалуйста, Анника. – Бекстрём откинулся на спинку стула, выпрямился и сложил руки на животе, окидывая взглядом собравшихся.

По большому счету, те же самые тупые лентяи, что и обычно, хотя речь шла о лучшем дне в его жизни. Единственным лучом света в этом темном царстве он нашел крошку Йенни, вдобавок поменявшую черный топик на красный.

– Спасибо, – кивнула Анника Карлссон. – У нас умышленное убийство. Жертвой стал адвокат Томас Эрикссон, сорока восьми лет, одинокий, бездетный и вряд ли знакомый кому-то из сидящих здесь. Его убили в собственном доме по адресу Ольстенгатан, 127, в Бромме, вероятно, вчера вечером, и причиной смерти, согласно предварительному заключению судмедэксперта, похоже, стали удары тупым предметом по голове. Мотив неизвестен, но пока ничто не говорит в пользу версий ограбления или кражи со взломом с трагическим финалом. Того или тех, кто сделал это, остается найти. Именно поэтому мы сейчас и собрались. – Анника Карлссон подняла глаза от своих бумаг и кивнула собравшимся. – Подробности, я думаю, сообщит Петер.

В это самое мгновение открылась дверь и внутрь шагнула Анна Хольт в компании Лизы Ламм.

– Я не буду мешать, – сказала Хольт. – Хочу только представить вам руководителя расследования – старший прокурор Лиза Ламм. Я полагаю, вы во всем разберетесь сами.

«Приятная девочка, – подумала Анника Карлссон. – Маленькая, коротко подстриженная, со вкусом одетая в юбку, блузку и пиджак прекрасно сочетающихся тонов белого и синего. Выглядит не больше, чем лет на сорок. Глаза веселые. Если верить слухам, не имеет ни мужа, ни детей. Здесь, пожалуй, даже может что-то получиться!»

Она, кивнула и улыбнулась:

– Добро пожаловать, Лиза. Располагайся и чувствуй себя как дома.

– Спасибо, – ответила Лиза Ламм и села с другого торца стола. – Извините за опоздание. Она улыбнулась и кивнула собравшимся: – Продолжайте...

– Хорошо, – отчеканил Бекстрём. – Рады, что вы присоединились к нам.

«Десять минут коту под хвост, поскольку дамочка не в состоянии прийти вовремя, – подумал он. – И Утка Карлссон, наша собственная отдельная лесбиянка-мужененавистница, явно уже сделала стойку. Малышке Ламм надо держать ухо востро, иначе попадет в ее сети».

– Петер Ниemi возглавляет наш технический отдел, – сказал Бекстрём и жестом показал на того, кого сейчас представил. – Поведай нам, как обычно, о том, когда, где и как.

– Конечно, – сказал Петер Ниemi. – Хотя сейчас будет масса оговорок, ведь я и коллега Фернандес занялись этим делом только восемь часов назад, но ситуация, значит, выглядит в настоящий момент следующим образом. По предварительным оценкам, преступление произошло без четверти десять вчера вечером. Местом преступления с большой долей вероятности является зал на втором этаже дома жертвы на Ольстенгатан. Причина смерти, по предварительному заключению судмедэксперта, – удары тупым предметом по голове и шее, из-за которых адвокат сразу потерял сознание, а потом умер в течение нескольких минут.

– Почему вы так считаете? – спросил Бекстрём, удобнее располагаясь на своем стуле.

По разным причинам, если следовать логике Петера Ниemi и сейчас идти по порядку и начинать со времени убийства, таковых имелись четыре.

Их жертва, похоже, очень серьезно относилась к своей безопасности. В самом доме находилось множество датчиков движения, камер и, кроме того, надежная система сигнализации для защиты от проникновения снаружи, охватывавшая все двери и окна.

– Здесь перед нами, значит, вход в дом, – сказал Ниemi, нажал клавишу на своем компьютере и показал фотографию входной двери жертвы на экране проектора, висевшего на торцевой стене комнаты. – Нет никаких следов вторжения, и сигнализация была включена все воскресенье вплоть до без двух минут девять вечера, когда кто-то, скорее всего сам Эрикссон, как мне кажется, отключил защиту входной двери и впустил внутрь одного или нескольких посетителей. Без двух минут девять, – повторил Ниemi. – Тогда к нему кто-то приходит, и это наша первая отправная точка.

Без двадцати десять в службу экстренной помощи позвонили с мобильного телефона жертвы. Разговор прервался через минуту, причем звонивший так и не сказал ни слова.

В службе экстренной помощи не отреагировали на данный вызов по той простой причине, что половина принимаемых ими звонков является результатом неправильного набора номера, а еще двадцать процентов так называемые «немые», то есть когда от звонившего не удается добиться никакого ответа. На них реагируют только в том случае, если есть основание считать, что абонент находится в бедственной ситуации, но почему-то не может сказать об этом. Однако в данном случае ничего не сделали. Судя по всему, звонил сам Эрикссон в надежде получить помощь, но его убили, прежде чем он успел открыть рот. Без двадцати десять, через сорок две минуты после того, как он впустил внутрь одного, двух или больше посетителей, – констатировал Ниemi.

В шесть утра, целых восемь часов спустя, на место преступления прибывает судмедэксперт для предварительного осмотра мертвого тела. Трупное окоченение тогда уже полностью охватило лицо и шею жертвы, и, приняв в расчет температуру в доме, он делает заключение, что смерть наступила, по меньшей мере, шесть часов назад, до полуночи воскресенья.

– Когда он приезжал, мы еще не знали о звонке Эрикссона в службу экстренной помощи без двадцати десять, но час спустя я связался с ним и рассказал о звонке, – объяснил Ниemi. – У судмедэксперта не возникло никаких причин не согласиться с этим временем. Что именно тогда, значит, и убили Эрикссона.

– Без двадцати десять в воскресенье вечером, – подвел итог Бекстрём. «Ниemi уж точно не дурак, пусть и по крайней мере наполовину финик». – У тебя есть еще что-нибудь? – спросил он.

– Да. Похоже, в тот вечер хватало и других звонков в службу экстренной помощи. Между без четверти десять и пятью минутами одиннадцатого туда позвонили трое соседей Эрикссона и пожаловались, что его собака бежит по лоджии его дома и лает как бешеная. У Эрикссона, значит, имелась собака. Ротвейлер, настоящий зверь, если кого-то интересуется.

– И что было предпринято в результате? – спросил Бекстрём, хотя уже угадал ответ.

– Ничего, – подтвердил его предположения Ниemi, – у них не нашлось ни одной машины, чтобы послать туда. Потом, похоже, все успокоилось вплоть до двух ночи, когда псина расшумелась не на шутку. Она лаяла и выла, и сосед номер четыре вновь позвонил в центр экстренной помощи и, на сей раз не собираясь сдаваться, вдобавок рассказал, кто живет в доме, где собака устроила концерт. Тогда, наконец, вроде бы все и завертелось. Туда отправили патрульный автомобиль, прибывший на место двенадцать минут спустя. Коллеги звонят во входную дверь, но никто не отвечает, и тогда они трогают ее, а поскольку дверь не заперта, входят внутрь и почти сразу же находят Эрикссона на втором этаже.

Как вы можете видеть здесь, – продолжил Ниemi и вывел на экран фотографию окровавленной жертвы убийства, лежавшей на животе перед письменным столом.

Дальше все развивается как обычно. Я и Фернандес оказываемся на месте час спустя, в половине четвертого утра, вот в принципе и все. Если у кого-то есть вопросы, пожалуйста, задавайте, – добавил он, одновременно убрав с экрана фотографию жертвы преступления.

– Да, у меня есть вопрос, – подала голос инспектор Росита Андерссон-Трюгг. – То, что ты рассказываешь, представляется мне ужасно, ужасно странным. Чисто мистическим даже пожалуй.

«У кого сейчас могла бы возникнуть мысль спросить тебя?» – подумал Бекстрём.

– Поведай нам, – произнес он нежно. – О чем ты, Росита?

– О поведении собаки, – ответила Андерссон-Трюгг. – Почему она не лает.

– Поправь меня, если я ошибаюсь, – сказал Бекстрём. – Но, как мне кажется, она же лаяла как бешеная полночи. «Баба явно совсем чокнулась, и самое время серьезно переговорить с Хольт относительно ее обещания забрать от меня это чудо».

– Да, я должна поправить тебя, – сказала Андерссон-Трюгг резко. – Собака ведь фактически молчала как рыба целых три часа, с одиннадцати вечера до двух ночи, а подобное поведение ненормально для ротвейлера, хозяина которого убили.

– Знаешь, Росита, – сказал Бекстрём и улыбнулся нежно. – Я хочу, чтобы ты уделила особое внимание собаке, а потом мы вернемся к этому вопросу снова. Приятно осознавать, что у нас есть свой эксперт. Ниemi, – продолжил комиссар, – а место преступления. Что нам известно о нем?

– Вероятно, все произошло именно там, где лежала жертва. Около письменного стола на втором этаже.

Имелись, разумеется, кое-какие неясности, но с ними Ниemi предлагал подождать, пока судмедэксперт не скажет свое слово.

– Когда мы получим его заключение? – уточнила Анника Карлссон.

– Он обещал сделать вскрытие сегодня вечером, поэтому, надо надеяться, предварительные выводы будут у нас завтра в течение дня, – сообщил Ниemi. – Окончательные, наверное, где-то через неделю.

– Вполне терпимо, – сказал Бекстрём. – Давай сейчас оставим это, Петер. Что нам известно о причине смерти?

Здесь тоже имелись вопросительные знаки, и с окончательным ответом стоило подождать, пока не вынесет вердикт судмедэксперт.

– Удары тупым предметом по голове – вот что можно предположить сейчас, – сказал Ниemi. – Большинство признаков говорит за это.

– Хорошо, – кивнул Бекстрём. – Тогда, если подвести итог, у нас, значит, убийство, которое произошло примерно без четверти десять вчера вечером в зале на втором этаже в доме жертвы, и смерть наступила в результате ударов тупым предметом по голове. Анника, не могла бы ты позаботиться, чтобы все, кто обходят соседей в том районе, сразу же получили данную информацию в качестве исходной. Естественно, не разглашая ее всем и каждому, с кем они будут разговаривать?

– Само собой, – ответила Анника Карлссон. – Я позабочусь, чтобы...

– Не забудь напомнить, пусть они спрашивают и о собаке тоже. Почему она молчала три часа, если, конечно, все так и было. Она же могла скулить, я имею в виду, – перебила ее Андерссон-Трюгг.

– Конечно. – Анника Карлссон вздохнула. – Я ведь слышала, что ты говорила, Росита.

– Ну и славненько, – сказал Бекстрём, стараясь сгладить ситуацию. – Тогда я предлагаю прерваться на пять минут и размять ноги, прежде чем ты, Петер, расскажешь о втором трупе, который вы нашли на лоджии.

«Вот тебе, защитница животных, пища для размышления», – подумал он. И не только для нее, если судить по выражению лиц других участников встречи.

## 24

«Наверное, новый рекорд для пятиминутных перерывов», – решил Бекстрём, когда последним занял свое место в точно оговоренное время.

– Ну что ж, – сказал Бекстрём и улыбнулся дружелюбно, – самое время для жертвы номер два, Петер.

– Да, – согласился Петер Ниemi. – Не самая красивая картинка.

Потом он вывел на экран снимок мертвого ротвейлера, который лежал на лоджии снаружи от зала на втором этаже, в десяти метрах от того места, где, вероятно, убили его хозяина.

– Псине, похоже, перерезали горло, – констатировал Ниemi и показал огромную рану на шее собаки и полукруг крови, забрызгавшей светлый пол лоджии.

– Когда это случилось с ней? – спросил Бекстрём.

– Если судить по звонку в службу экстренной помощи, скорее всего, около двух часов ночи...

– Через четыре часа после того, как ее хозяин переместился в мир иной, странно, – констатировал Бекстрём.

– Да, – согласился Ниemi. – Это дело, похоже, не самое простое. Мы отправили собаку к ветеринарам. У нее в пасти нашли остатки ткани. Нити и приличный кусок материи, как я полагаю, от джинсов.

– Она явно цапнула нашего злодея за ногу, – предположил Бекстрём, оперся локтями о поверхность стола и сформировал свод из пальцев. – У тебя есть еще что-то интересное, чем ты можешь поделиться с нами?

Все очень странно, если верить Ниemi. Адвокату разможили череп тупым предметом, его собаке перерезали горло четыре с лишним часа спустя, и, кроме того, словно этого еще было мало, в зале на втором этаже, по крайней мере, дважды стреляли.

Ниemi вывел на экран новые фотографии, показывавшие пулевое отверстие в потолке над письменным столом и такое же в спинке дивана. Затем последовало увеличенное изображение двух расплюснутых пуль, снятых на белом листе бумаги на письменном столе жертвы, чтобы получить максимально хорошую картинку.

– Перед вами пули, – констатировал Ниemi. – Я думаю, они выпущены из одного и того же оружия. У них в любом случае одинаковый 22-й калибр, и они того же самого типа. Свинцовые, безоболочечные. Мы не нашли гильз, что говорит о револьвере, и, вероятно, стреляла жертва, поскольку мы обнаружили следы пороха на ее правой руке и снизу на рубашке. Вдобавок у убитого имелась лицензия на револьвер 22-го калибра. Для использования при норной охоте и чтобы добывать животное, попавшее в ловушку. Всего он имел лицензии на шесть видов охотничьего оружия. Три штуцера, два дробовика и уже названный мною револьвер. У него в подвале стоит оружейный шкаф, но, поскольку он заперт, пришлось подождать с этим делом.

– Но вы не нашли никакого револьвера, – сказал Бекстрём.

– Нет еще, – подтвердил Ниemi и покачал головой. – Мы только начали искать, и у нас хватит работы на целую неделю. Он жил в огромном доме. Первый этаж почти двести пятьдесят квадратных метров, второй – сто пятьдесят плюс лоджия в сотню квадратов. В самом низу, в подвале, у него большой гараж, кроме того, тренажерный зал, баня, бильярдная, винный погреб, прачечная и кладовая. Если говорить о поисках, мы едва успели начать.

Никакого тупого предмета и никакого револьвера. Хотя удалось найти нечто иное, если верить Ниemi. В верхнем ящике письменного стола лежал толстый коричневый конверт, который, как оказалось, содержал девятьсот шестьдесят две тысячи крон тысячными купюрами, разделенные на десять пачек и по отдельности перетянутые резинками. На самом письменном столе лежал старый и хорошо использованный носовой платок со следами как крови, так и соплей. Там стоял также наполовину полный хрустальный графин с виски и один почти пустой стакан, где напитка осталось на доннышке. Ниemi еще особенно не задумывался относительно значения этих находок. Имелось другое, привлекшее его внимание.

– Есть еще один стакан, – сообщил Ниemi и показал фотографию. – Он стоит на столике перед диваном с той стороны, где в его спинку попала пуля. Если провести линию между стаканом и графином на письменном столе и пулей в спинке дивана... то стакан на придиванном столике оказывается на той же прямой... хотя примерно на метр ниже... перед пулевым отверстием в диване, значит... и если мы сейчас предположим, что тот, кто пьет из него, сидит так, как обычно делают... вполне вероятно, ему или ей могли попасть в верхнюю часть туловища или в голову... но этого, однако, судя по всему вроде бы не случилось.

– Человек на диване уже не находился там, – предположила Анника Карлссон. – Он или она уже успел переместиться.

– Нет, я почти уверен, что он... или она... все еще сидел на диване, хотя в него не попали. И причиной этому в моем понимании являются следы, которые мы нашли на диванной обивке, – сказал Ниemi и показал новую картинку, увеличенный снимок обивки. – Обратите внимание на темное пятно, примерно там, где у сидевшего на диване должен был находиться зад, – продолжил Ниemi и показал на фотографии.

– Да он просто наложил в штаны, когда у него около уха просвистела пуля, – констатировал Бекстрём.

«Что происходит с нашими преступниками, – подумал он. – Обосраться, как только какой-то педик-адвокат открыл стрельбу. Сам я достал бы своего малыша Зигге и ответил вдвойне».

– Следы и кала, и мочи, – кивнул в знак согласия Ниemi. – Не впервые подобное случается, если хотите знать мое мнение.

Ниemi улыбнулся и убрал фотографию с экрана.

– Какие-то вопросы? – добавил он.

– Мы вернемся к этому позднее, когда будем знать больше, – вмешался Бекстрём, чтобы избежать ненужной болтовни. – Если я тебя правильно понял, у нас более важные дела на очереди, – продолжил он и посмотрел на прокурора и руководителя расследования Лизу Ламм.

– Если говорить об обыске в жилище Эрикссона, то никаких проблем, – сказала Ламм и покачала головой. – То же самое касается его компьютера, поскольку тот находился в доме и стоял на месте преступления. Остается адвокатская фирма, и с ней могут возникнуть определенные сложности, как вы понимаете. Пока я решила опечатать офисное помещение Эрикссона. А через два часа должна встретиться с его партнерами и обсудить, какие меры нам, возможно, еще придется принять.

«Ничего себе», – подумал Бекстрём.

– У кого-то еще есть вопросы? – спросил он.

Дальше все покатило по накатанным рельсам (вопросы, размышления вслух и обычная болтовня), пока он не решил, что хватит, не поднял правую руку и не поставил точку в первом совещании своей розыскной группы.

– Закончили болтать, – сказал Бекстрём. – Сейчас все за работу. Постарайтесь поймать идиота, сделавшего это. А толочь воду в ступе мы сможем, когда он будет сидеть в кутузке.

## 25

«Мне надо поесть, – подумал Бекстрём. – Как следует пообедать, выпить рюмочку и по крайней мере бокал очень холодного пива. А потом нужно спокойно поразмыслить. И сейчас, когда перевалило за полтретьего пополудни, медлить уже нельзя», – решил он.

Его ближайшая помощница, Анника Карлссон, сидела за письменным столом в их комнате руководящего звена и демонстрировала свою известную способность делать несколько дел одновременно: ела салат из пластикового контейнера и печатала на компьютере, а также еще и кивнула Бекстрёму.

– Руководитель розыска решил выйти пообедать, – констатировала она и улыбнулась.

– Я собираюсь прогуляться, – ответил Бекстрём. – Подумать в тишине и покое.

– Ты собираешься прогуляться? Я начинаю за тебя беспокоиться. Ты, случайно, не заболеваешь?

– Нет, – ответил Бекстрём и покачал головой. – Мне просто нужно поразмышлять в тишине.

– Первый по-настоящему летний день, – подумал Бекстрём, когда вышел на улицу, успев по пути зайти к себе в кабинет и прихватить в такую пору крайне необходимую вещь – очки сыщика, которые обычно доставал, как только приходило лето и солнце заставляло женщин обнажаться. Тогда благодаря их заключенным в металлическую оправу черным зеркальным стеклам никто уж точно не мог принять его за одного из многочисленных извращенцев, бродящих по улицам в такое время года и ищущих почву для своих болезненных фантазий.

Уж никак не Эверта Бекстрёма в темных солнечных очках и желтом льняном костюме, когда он сейчас (вне всяких подозрений относительно низких мотивов), оставив здание полиции, не спеша прошел вниз по улице, кратчайшей дорогой пересек торговый центр Сольны, миновал футбольный стадион Росунда и через полчаса переступил порог своего любимого кабака в Фильмстадене.

По дороге у него хватало на что посмотреть, а о последнем расследовании даже мысли не возникло.

«Всему свое время», – подумал Бекстрём. Конечно, он был беззаботным прожигателем жизни и модником, прославился на всю страну благодаря криминальным программам на телевидении, имел собственный фан-клуб в Сети, а также соответствовал тайным мечтам любой женщины, но помимо всего этого существовала и другая сторона его личности. И там он выступал в роли некоего наблюдателя, стоявшего над грязной мышьиной возней, на которую его более примитивное окружение, похоже, тратило большую часть жизни.

«Всему свое время, и ты даже отчасти философ, Бекстрём», – констатировал он, усаживаясь за свой постоянный столик, в то время как владелец заведения, как обычно, оказал ему самый радушный прием и сразу же поставил перед ним в меру большой бокал очень холодного пива.

– Добро пожаловать, Бекстрём, – приветствовал он давнего клиента. – Что думает комиссар о хорошо прожаренной рубленой котлете с беарнским соусом и печеным картофелем? Без салата.

– Звучит просто замечательно, – признал Бекстрём. – Плюс все как обычно – маленький бокал воды и графин с настоящей водой сбоку.

– Естественно, естественно, – ответил ресторатор и закивал энергично.

Потом Бекстрём ел в тишине и покое, постепенно возвращаясь в свое нормальное состояние. И скоро стал чувствовать себя как обычно. К концу совещания, в то время как его помощники наперебой делились идеями и планами расследования, теснившимися в их головах, Бекстрём почувствовал себя разбитым корытом и, по большому счету, очень хотел уединиться и поразмышлять. Нечто подобное он обычно испытывал, когда суперсалями получала свое, и его единственным желанием становилось остаться одному и чтобы лежавшая рядом с ним в его огромной кровати дамочка куда-то исчезла и не докучала ему больше своим присутствием.

«Жизнь продолжается», – подумал Бекстрём, поднял свой маленький бокал и осушил его до последней капли.

Когда ему принесли кофе, хозяин кабака подошел и сел рядом. Он был страстным болельщиком АИКа, подобно Бекстрёму, становившемуся таковым, когда он посещал данное заведение, и слухи явно уже дошли до него. Слухи о том, что полицейская легенда Сольны расследует убийство одного из заклятых врагов его клуба.

– Ты знаешь, наверное, что этот идиот сидел в правлении «Юргордена»? Если говорить о мотиве, я имею в виду.

– Я в курсе, – кивнул Бекстрём. – Я в курсе, по мне только из-за этого его убийцу надо не просто освободить от ответственности, а еще и по головке погладить.

Потом он взял такси и поехал на работу, а по дороге остановился и пополнил свой запас мятных пастилок, чтобы не давать почву для дурных слухов. Едва придя к себе и успев сесть на свой стул и положить уставшие ноги на письменный стол, он услышал стук в дверь. Его

малышка Йенни в комплекте с крошечным красным топиком и очень широкой улыбкой попросила о разговоре с глазу на глаз.

– Найдется у шефа пять минут?

– Конечно, естественно, садись, – сказал Бекстрём и махнул в сторону стула для посетителей.

«Жизнь продолжается», – подумал он, и даже чуть не надел свои черные очки, но после секундного размышления отказался от этой мысли.

## 26

– Чем я могу помочь тебе, Йенни? – спросил Бекстрём, одновременно скрестив ноги на случай, если его суперсалями захочет прийти в движение.

– У меня есть идея, которую я хочу обсудить с шефом, – ответила Йенни. Она улыбнулась снова, наклонилась и передала ему бумагу.

– Ага, да, – пробормотал Бекстрём. Взял ее и прочитал. Три строчки, написанные аккуратным, округлым, школьным почерком. И едва он задумался над этим нюансом, как его суперсалями ожила.

– Пусть шеф прочитает.

Йенни указала на свое творение и энергично кивнула.

– Воскресенье 19 мая. Барон избит аукционным каталогом. Вторник 21 мая. Забирают кролика по причине недостаточного ухода. Воскресенье 2 июня. Убивают адвоката, – прочитал Бекстрём громко и с возрастающим удивлением.

«Что это, черт возьми?» – удивился он.

– Шеф думает как и я? – спросила Йенни и еще немного наклонилась вперед. Она выглядела чуть более возбужденной и выставила свою грудь напоказ.

– Честно говоря, не знаю, – ответил Бекстрём и покачал головой. – Рассказывай, я слушаю.

– Меня просто осенило, когда я сидела на встрече. Насколько обычны такие дела? Тогда я вспомнила три основных правила, касающиеся расследования всех умышленных убийств... во-первых, оценить ситуацию... во-вторых, не придумывать ничего лишнего... и, в-третьих... и как раз об этом я подумала на нашей встрече... не верить в случайные совпадения.

– Ага, – сказал Бекстрём. – Извини, но я...

– Я имею в виду, насколько обычно, что три таких события происходят в течение примерно одной недели? В одном и том же полицейском округе вдобавок? Если говорить о чистой случайности, подобное статистически невозможно, при мысли о том, насколько необычно это должно быть. Я вошла в Сеть и проверила. Знает ли шеф, как давно в последний раз убивали адвоката в нашей стране?

– Нет, – ответил Бекстрём. – К сожалению, подобное происходит не каждый день, если ты спросишь меня, но...

– В последний раз такое случилось более пятнадцати лет назад. На севере в Норланде, кстати. В связи с переговорами в суде. Одна из сторон застрелила защитника противной стороны. Именно адвокаты принадлежат к наиболее редким жертвам убийства в Швеции... а что касается изъятия кролика... я никогда не слышала о таком деле за всю мою жизнь... а если говорить об избиении аукционным каталогом тогда...

– Я слушаю, – сказал Бекстрём. «О чем, черт возьми, она болтает?»

– Шеф же расследовал насильственные преступления всю свою жизнь, – продолжала гнуть свою линию Йенни. – Сколько раз шеф имел дело с бароном, избитым аукционным каталогом? Перед дворцом, где живет король, кроме того?

– Никогда, – ответил Бекстрём с нажимом и покачал головой. – Если ты спросишь меня, такое встречается впервые в истории шведской криминалистики.

– Точно, – кивнула Йенни. – Точно так я и подумала.

– Я тебя услышал, Йенни, но все еще не понимаю...

– Это не может быть случайностью, – перебила Бекстрёма Йенни и серьезно на него посмотрела.

– Не случайность?

– Нет. – Йенни кивнула. – Ни о чем подобном нет и речи. Наверняка есть какая-то связь между всеми тремя событиями. Другой возможности я не вижу. Одно тянет за собой другое, а то ведет к третьему. И как только мы обнаружим данную связь, сразу же найдем решение всего вместе. Кто убил Эрикссона и всего, что касается историй с кроликом и с аукционным каталогом.

– Вот как, – сказал Бекстрём. – Вот как, – повторил он, поскольку мысли его уже устремились в другом направлении. «Рогерссон, конечно, тоже не подарок, но он в любом случае вполне адекватно мыслящий полицейский, который уж точно не стал бы использовать груди вместо мозгов, и он никак не может быть отцом этого частного детектива».

– Я знала, что шеф поймет, о чем я думаю. Именно поэтому и решила лучше действовать напрямую и не говорить ни слова никому другому.

– Разумно с твоей стороны, – сказал Бекстрём. – Очень разумно, – повторил он на всякий случай. – Позволь мне убедиться, что я правильно тебя понял.

– Нормально я написала? – спросила Йенни, потянулась вперед и забрала бумагу, которую ему дала.

– Естественно, – согласился Бекстрём. – Если я правильно тебя понял, то, по твоему мнению, значит, у нас есть неизвестный преступник, избивающий некоего высокородного идиота аукционным каталогом, в результате чего два дня спустя у больной на голову пожилой дамы забирают кролика, а в итоге все заканчивается тем, что четырнадцать дней спустя неизвестный преступник или преступники убивают адвоката Эрикссона.

– Да, примерно так. Я понимаю, это звучит странно, но здесь на сто процентов есть какая-то связь. Вряд ли такое случайно.

– Интересно, – поддержал ее Бекстрём. – Пожалуй, стоит копать дальше.

«Малышка Йенни, наверное, просто феноменальная дура, – подумал он. – Мадам Пятница по сравнению с ней просто Нобелевский лауреат, притом что она вполне заслуживает семь баллов, когда дело доходит до секса».

– Я знала, что шеф поймет, как я...

– Конечно, конечно, – перебил ее Бекстрём. – И знаешь, Йенни...

– Да, шеф.

– Ты будешь докладывать лично мне. Ни слова об этом никому другому.

– Спасибо, шеф, – сказала Йенни. – Обещаю не разочаровать шефа.

– Хорошо. – Бекстрём дружески ей улыбнулся. «Тогда мне не придется переживать, что Утка Карлссон сплавит тебя на ресепшн заниматься входящей почтой».

Соседей убитого адвоката начали опрашивать уже в семь утра. Этим продолжали заниматься весь день и наиболее успешно утром и вечером, поскольку именно так всегда случалось, когда требовалось искать свидетелей в местности, где все жили в своих домах. Утром и вечером лучше всего. Когда жильцы не находились на своих рабочих местах, а их дети в школе. Подобное был в состоянии понять любой, даже не будучи полицейским.

Район, где обитал адвокат Эрикссон, кроме того, обладал одним значительным преимуществом с точки зрения серьезно относящихся к «поквартирному» обходу полицейских. Большинство из соседей жертвы убийства были собачниками и, следовательно, проводили вне дома значительно больше времени, чем граждане не отличавшиеся данным пристрастием, и вдобавок совершали свои прогулки в такое время и в таких местах, что это часто могло вызывать интерес при расследовании противоправных действий. В любом случае, когда дело касалось преступления, непосредственно затронувшего их соседа, адвоката Томаса Эрикссона.

«Территория с таким количеством собаководов просто урожайное поле, когда надо опрашивать соседей», – подумал инспектор Ян Стигсон тридцати двух лет, сын крестьянина из Даларны, который по-прежнему мыслил в таких категориях, хотя уже более десяти лет назад перебрался в Стокгольм с целью стать полицейским.

Он работал у Бекстрёма уже четыре года и на протяжении этого времени неоднократно отвечал за подобные задания. Сейчас он и его помощники отправились в дорогу снова. Он сам и четверо молодых коллег, одолженных в отделе правопорядка округа, ходили от дома к дому, от одной двери к следующей, и когда он сам позвонил во вторую дверь, ему повезло, хотя часы показывали не более половины девятого утра.

«С погодой подфартило тоже, первый по-настоящему летний день, и почти идеальный при мысли о задании», – решил Стигсон.

Ему открыла приятная женщина среднего возраста, позади нее стоял черный лабрадор и вилял хвостом. Она прожила с мужем в этом доме последние двадцать лет. Сейчас дети разъехались далеко. Супруг укатил в Испанию играть в гольф, и она уже несколько дней отвечала за вечерние прогулки с собакой. В обычном случае муж брал их на себя, в то время как она выгуливала пса по утрам.

– Мы живем по абсолютно разному графику, мой благоверный и я. Я – ранняя пташка, и зачастую ложусь спать уже около десяти, а с ним все наоборот. Он может просидеть за своими делами полночи, и до обеда с ним почти невозможно разговаривать. Ты входи, поговорим в тишине и покое. Мы с Налле уже успели прогуляться с утра, и сейчас я собиралась выпить чашечку кофе. Инспектор ведь не откажется составить мне компанию?

– Спасибо, с удовольствием, – ответил Стигсон.

Приятная женщина, подумал он. Опять же она наблюдательна, поскольку явно заметила его чин, когда он показал свое полицейское удостоверение.

Стигсон просидел у нее на кухне почти час, пока она делилась наблюдениями, сделанными предыдущим вечером во время прогулки с лабрадором Налле. Они обычно ходили одним и тем же маршрутом. Сначала вверх по улице, потом поворачивали направо и возвращались домой.

– Короче говоря, я делаю круг по близлежащему кварталу, – объяснила она и показала пальцем на карте, которую Стигсон принес с собой. – Всего это самое большее пара километров, но в компании с таким другом на них уходит примерно час. Нам надо многое понюхать и со многими поздороваться, как с собаками, так с их хозяевами и хозяйками, – констатировала свидетельница и улыбнулась Стигсону.

– Ты не могла бы назвать мне несколько имен да и время тоже, если помнишь. Как ты наверняка понимаешь, мы пытаемся найти всех, кто передвигался в вашем районе вчера вечером. Все сказанное тобой, естественно, останется между нами.

С этим не возникло никаких проблем. Она ведь встретилась с теми же самыми соседями и владельцами собак, с кем сталкивалась обычно. И назвала ему полдюжины имен, и все было точно как всегда. Никаких странностей и определенно никаких таинственных личностей, с кем она столкнулась бы. Фактически ей попался только один человек, который был незнаком ей по имени или внешнему виду. Когда она миновала дом Эрикссона, где-то в сотне метров вниз по улице увидела мужчину, стоявшего с другой стороны проезжей части и укладывавшего пару

больших картонных коробок в багажник машины. И примерно в тот момент, когда вставляла ключ в замок своей входной двери, услышала, как взревел мотор и автомобиль тронулся с места.

– Наверное, тот же самый, – сказала она. – Я абсолютно уверена в этом.

– Ты не помнишь, который был час? Когда он там стоял?

– Насколько мне помнится, я вышла из дому без десяти девять. До этого сидела и смотрела телевизор, программу, которую всегда смотрю, реалити-шоу, как их обычно называют, она закончилась без четверти девять. Потом я сделала обычный кружок и добралась назад примерно полдесятого, пожалуй. Мне помнится, когда я включила вечерние новости по ТВ-4, они только начались. А ведь они начинаются в десять, но прежде я вытерла лапы Налле, налила ему воду в миску и немного прибралась на кухне.

– Мужчина, грузивший коробки в автомобиль. Ты смогла бы его описать?

«Становится горячее», – подумал Стигсон.

– Нет, – ответила она и покачала головой, внезапно посерьезнев. – Я услышала в восьми-часовых новостях о случившемся, поэтому понимаю, к чему ты клонишь. Когда я проходила мимо, он стоял наклонившись в багажник, и я не увидела его лицо. Но выглядел он вполне обычным. Как большинство других, живущих здесь. Средних лет, прилично одетый, в пиджак, по-моему, или, возможно, приличную куртку, синюю или черную, и темные брюки. Пожалуй, еще одно...

Стигсон улыбнулся ободряюще.

– По-моему он был сильный, хорошо сложенный, выглядел отлично тренированным. Я же видела, как он поднимал коробки, засовывая их в багажник. Конечно, я не знаю, что в них лежало, сколько они весили, но были из толстого белого картона и довольно большие, и поднимать их вроде не составляло для него никакой проблемы... если можно так сказать.

– У тебя есть какие-то предположения относительно его роста?

– Определенно выше среднего. Мне кажется, скорее метр девяносто, чем метр восемьдесят. Это был крупный парень. Мой муж достаточно высокий, метр восемьдесят шесть, даже если, по его словам, у него был рост метр девяносто, когда мы встретились, но он забывает, что с той поры минуло почти сорок лет.

– Ты говоришь – среднего возраста, – сказал Стигсон, не собираясь сдаваться. – Сорок пять, пятьдесят, шестьдесят...

– Определенно не шестьдесят. – Свидетельница решительно покачала головой. – Пятьдесят или самое большее пятьдесят пять, судя по его манере двигаться – легкой, непринужденной, а она ведь пропадает с годами, сколько не бегай в тренажерный зал, и он был хорошо тренированный, как я уже сказала.

– Ничего больше не приходит тебе на ум?

– Автомобиль. Это был серебристый «мерседес», такой низкий, спортивный, никак не универсал. Определенно не из тех, на каких разъезжают воры-домушники.

– Серебристый «мерседес». Ты абсолютно уверена?

– Да, на сто процентов. У нас с мужем у каждого свой мерс. У меня маленький, а у него немного солиднее, чтобы хватило места для всех принадлежностей для гольфа, но этот был значительно больше, чем у моего благоверного, и наверняка дороже, чем наши оба.

– Ты обратила внимание на что-то иное в машине? Регистрационный номер? Может, на нем имелись какие-то наклейки или отметины.

– Нет. Относительно номера я даже не подумала. Никаких наклеек не видела тоже. Ничего подобного, иначе я заметила бы. Хотя сейчас понимаю, почему ты спрашиваешь. Случившееся ведь просто ужасно. Ни о чем подобном мы и подумать не могли в нашем районе. У нас здесь редко случаются преступления. Единственно, если говорить обо мне и муже, у нас

когда-то украли нашу яхту, мы владеем местом для нее в бухте, которая находится рядом с домом Эрикссона, но с той поры минуло, наверное, уже десять лет.

– Надеюсь, вы получили ее назад?

– Да, и все оказалось гораздо проще. Наш младший сын и его товарищи взяли ее без разрешения и посадили на мель, о чем он не осмелился рассказать папе с мамой. Хотя, в конце концов все выплыло наружу.

– Но потом он ведь образумился? – спросил Стигсон.

– Сейчас он женат, у него двое детей, и он работает юристом в банке СЕБ, так что, надо думать, с ним все в порядке, – с улыбкой ответила его мать.

Десять минут спустя Стигсон поблагодарил ее за радушный прием и в довершение всего оставил свою визитную карточку. Если она вспомнит еще что-нибудь, следовало просто позвонить. Большое или малое, важное или нет, не играло роли, ей требовалось просто позвонить, в любое время.

«Почти попал, почти попал, хотя почти не считается», – подумал он, когда вышел на улицу и взял курс на следующий дом из своего списка.

## 28

После обеда в понедельник, примерно когда Йенни Рогерссон рассказывала свои теории испытывающему все большее удивление Бекстрёму, Лиза Ламм и Анника Карлссон встретились с товарищами по работе Томаса Эрикссона в офисе адвокатского бюро «Эрикссон и партнеры» на Карлавеген в Стокгольме.

Но прежде чем отправиться туда, Лиза Ламм зашла на домашнюю страницу фирмы и хорошо подготовилась к предстоящей встрече. Явно не самой легкой, которая в худшем случае могла вылиться в пикировку юридического характера, и поэтому ей требовалось как можно раньше изучить своего противника.

Томас Эрикссон основал адвокатское бюро «Эрикссон и партнеры» пятнадцать лет назад. Оно специализировалось на уголовном и семейном праве и вплоть до воскресенья в нем работали шестнадцать человек: пять равноправных партнеров, из которых все были адвокатами, кроме того пять помощников юристов, занимавшийся бухгалтерией, кадровыми и общими вопросами финансист, а также две женщины-паралегалы и три секретарши, выполнявшие далеко не самые основные в данной сфере вспомогательные функции, но все равно значительно более важные, чем Лиза Ламм представляла себе. В тех немногочисленных случаях, когда она встречалась с Томасом Эрикссоном в суде, он производил впечатление типичного волка-одиночки. Никак не основателя и самого старшего совладельца фирмы такого размера.

«Скажи мне, с кем ты водишься, и я скажу, кто ты, а четыре адвоката и пять помощников юристов явно через край для нас», – подумала Лиза Ламм и обеспокоенно покачала головой, выключая свой компьютер.

Аника Карлссон, судя по ее виду, тоже прекрасно понимала ожидавшие их трудности, и еще до того, как они выехали из полицейского гаража, поделилась своей тревогой.

– Делать обыск в адвокатском бюро не очень легко, не так ли? – сказала она, и это прозвучало скорее констатацией факта, чем вопросом.

– Да уж точно, – согласилась Лиза Ламм более эмоционально, чем намеревалась.

– Опиши мне все как можно короче и доходчивее, – сказала Аника Карлссон и улыбнулась.

– О'кей. Во-первых, это хлопотно, принимая в расчет деятельность, которой занимаются адвокаты. Нельзя навредить интересам клиентов, и действующие там правила секретности зна-

чительно более жесткие, чем обычно. Если они захотят встать в позу, то... – Лиза Ламм пожалала плечами.

– А что во-вторых?

– Во-вторых, Томас Эрикссон ведь жертва убийства, а не подозреваемый в каком-то преступлении, и, кроме того... в третьих... его же убили в собственном доме, а не на работе. Если сложить все это вместе, уже получается немало, – вздохнула Лиза Ламм.

– Ты в любом случае забываешь самое главное, – заметила Анника Карлссон. – Эрикссон был гангстером. Я подумала обо всех его товарищах по работе. Что за люди захотят работать с таким? Другие гангстеры.

– Мне приходили подобные мысли. И меня это беспокоит.

– Но не меня, – призналась Анника Карлссон и покачала головой. – Коль скоро они полезут в бутылку, хуже не будет, если я повыкручиваю им руки.

– Спасибо, и я говорю серьезно, хотя сама, конечно, собиралась начать с другого конца, – сказала Лиза Ламм.

– Это такая мелочь, – рассмеялась Анника Карлссон. – Только дай отмашку, когда передумаешь.

«Мы наверняка договоримся, ты и я», – подумала она.

## 29

Наде Хёгберг было пятьдесят два года. До двадцати лет ее звали Надеждой Ивановой, и родилась она в маленькой деревушке в паре десятков километров от большого города Ленинграда, ныне носившего имя Санкт-Петербург. Ее с детства отличала хорошая голова, и секретарь районной партийной организации, двоюродный брат ее отца, позаботился о том, чтобы племянница как можно быстрее прошла все необходимые университеты и в будущем смогла послужить своей великой родине наилучшим образом.

Она также не разочаровала его. В двадцать шесть лет защитила докторскую диссертацию в области прикладной математики в Ленинградском университете. Получила наивысшие баллы, и ее, по большому счету, сразу же взяли риск-аналитиком в региональное управление атомной энергетики.

Еще за три года до «освобождения от коммунистического гнета» ее старый наставник, бывший партийный босс, сообразил, как вскоре будут развиваться события. Именно он дал ей совет относительно следующего шага. Если она сейчас не хотела принять его предложение и перейти на работу в частный сельскохозяйственный концерн, которым он теперь руководил, а предпочитала заниматься своим прежним делом, женщине с ее опытом стоило попытаться счастья за пределами новой России, пока ее старый работодатель не осознает прописные истины и не приспособится к тем условиям, которые отныне должны были касаться любого нормально функционирующего предприятия, совершенно независимо от того, о какой отрасли шла речь. А именно, что высококвалифицированный специалист вроде нее, ядерный физик и доктор математических наук, должен зарабатывать гораздо больше, чем обычный врач, учитель и полицейский.

Довольно быстро выяснилось, что ее работодатель не понимал не только этого. В первый раз она ходатайствовала о разрешении покинуть свою страну летом 1991 года, через два года после «освобождения». Тогда она трудилась на АЭС в Литве, расположенной всего в нескольких десятках километров от Балтийского моря. Но так и не получила никакого ответа на свою просьбу. Взамен ее неделю спустя вызвали к шефу, сообщившему ей о переводе на другую станцию, находившуюся на тысячу километров севернее, в районе Мурманска. Несколько молчаливых мужчин помогли ей упаковать вещи. Отвезли на новое место и не отходили от нее ни на шаг в течение двух суток, потребовавшихся на дорогу.

Два года спустя она уже не стала спрашивать разрешения. А с помощью своих «новых и тайных контактов» перебралась через границу в Финляндию. Там ее встретили новые контакты, и уже на следующее утро, осенью 1993 года, она проснулась в каком-то доме в шведской провинции.

За всю жизнь с Надей никогда так хорошо не обходились, и первые шесть недель она, главным образом, занималась разговорами со своими новыми хозяевами. И все общение состояло в том, что они задавали вопросы, а она отвечала на них, и вдобавок особое время отводилось на более непринужденные диалоги. Год спустя она научилась бегло говорить по-шведски, получила шведское гражданство, собственное жилье в Стокгольме, новую работу и работодателя, с дружелюбной улыбкой объяснившего, что ей под страхом наказания запрещено даже намекать, где она трудится.

Еще через два года они мирно разошлись. Несмотря на короткий стаж, Наде выдали щедрое выходное пособие и позаботились о новом месте. И последние пятнадцать лет она трудилась в различных отделах полиции Стокгольма. А четыре года назад в качестве гражданского аналитика оказалась у Бекстрёма, в его подразделении расследования тяжких преступлений полиции Вестерорта. Кроме того, она уже давно была наиболее доверенным помощником комиссара, единственным, на кого он полагался целиком и полностью.

Хёгберг зато давно стал историей для нее. Они встретились в Сети, но Надя развелась с ним уже через год, поскольку, по большому счету, сразу же выяснилось, что он в качестве мужа слишком русский на ее вкус. Вполне хватило того, что она сохранила фамилию, полученную от него, а дальше роман развивался уже между ней и новой родиной, хотя на ее условиях, и Бекстрёма она приняла близко к сердцу из-за всех его слабостей. В силу собственной слабости тоже, даже если она скорее прикусила бы язык, чем призналась в этом самой себе.

Сейчас пришла очередь расследования нового убийства, где ей естественно отводилось определенное место, и ее роль в данной связи была давно известна. Надя отвечала за внутренний сыск (то есть по регистрам и не выходя из кабинета), и, прежде всего, от нее требовалось разложить по полочкам личность убитого, сделать это как можно быстрее и лучше сразу же узнать, чем он занимался в последние сутки своей жизни, прежде чем встретился с убийцей.

Сначала она поделила различные части данной задачи между четырьмя своими помощниками. Затем занялась компьютером жертвы и всем, находившимся в нем. И для порядка сначала проверила, что содержимое жесткого диска соответствует начинке флешки, которую Бекстрём дал ей. А потом убрала ее в шкаф Бекстрёма, ключи от которого имелись только у него и у нее.

«На всякий случай», – подумала она, поскольку ведь уже не раз прокуроры меняли свое решение, когда становилось жарко.

И первое открытие, сделанное ею, состояло в том, что компьютер, несмотря на наклейку на нем, принадлежал не адвокатскому бюро «Эрикссон и партнеры», а фирме с туманным названием «Инвестиционная компания Ольстенен». Ею, как оказалось, владел адвокат Томас Эрикссон, и она занималась различными манипуляциями с капиталом. Ее собственный капитал составлял не более семи миллионов, годовой оборот, главным образом, построенный на торговле ценными бумагами, порядка десяти, а единственным существенным ресурсом был дом по адресу Ольстенсгатан, 127, находившийся во владении компании и сдаваемый ею в аренду в качестве жилища и офиса адвокату Томасу Эрикссону за минимальную, устроившую налоговый департамент плату.

Рыночная стоимость двадцать пять миллионов, аренда на пятнадцать лет, собственный капитал владеющей домом фирмы – семь миллионов, арендная плата – тридцать тысяч в месяц, и пока ничего, вызывающего подозрение, подумала Надя и быстро перешла к проверке содержимого жесткого диска.

Меньшую часть на нем, похоже, составляли различные документы всевозможного рода и малопонятные по своей сути, с которыми Надя, в силу своего характера, все равно намеревалась разобраться в будущем. С почти всем другим дело обстояло значительно проще.

«Ох, эти мужики», – подумала Надя, вздохнула и покачала головой, и единственно утешила себя тем, что последние находки, по крайней мере, доставят удовольствие ее шефу Эверту Бек-стрёму. Потом она выключила компьютер жертвы и включила собственный, намереваясь разобраться со следующим пунктом своего длинного списка того, что ей и ее коллегам следовало узнать о жизни, которую вел Томас Эрикссон.

### 30

В пятницу 31 мая, за два дня до убийства адвоката Томаса Эрикссона, Йенни Рогерссон поступила, как ее шеф Эверт Бек-стрём сказал ей, и закончила расследование странного избивения барона Ханса Ульрика фон Комера, якобы случившегося двенадцатью днями ранее на парковочной площадке перед дворцом Дроттнингхольм.

Она собрала все бумаги (решение Бекстрёма по делу, результаты проделанной ею самой работы, оригинал анонимного заявления и окровавленный каталог) и сунула их в один большой конверт, чтобы переправить в большой полицейский комплекс на Кунгсхольмене и отдел личной защиты полиции безопасности. Все вместе, «для информации», в соответствии с инструкциями, которые касались полиции Вестерорта, и утром в понедельник 3 июня ее послание вместе с другой входящей почтой легло на письменный стол комиссара Андерссона.

Дан Андерссон, сорока пяти лет, женатый на женщине на три года моложе его, трудился в полиции Стокгольмского лена. Вместе с тремя своими детьми, мальчиками школьного возраста, семейство Андерссон проживало на вилле на островах Меларёарна в паре десятков километров от Стокгольма. Абсолютное большинство их соседей работало полицейскими, учителями, в службе спасения или медицине, и пока, с учетом данного описания, Дан Андерссон представлялся типичным стражем закона среднего возраста, так называемого среднего руководящего звена, из тех, какие трудились в Стокгольме.

В профессиональном же смысле, то есть с той точки зрения, которая, прежде всего, заботила шефов и оценивалась с их стороны, в то время как его товарищи по работе относились к этому с более смешанными чувствами, он считался благонадежным, добросовестным, немногословным, трудолюбивым и способным сотрудником. Прежде всего, немногословным.

Дан Андерссон проработал в полиции почти четверть века, все время в Стокгольме, и уже восемь лет возглавлял группу анализа угроз в отделе личной защиты СЭПО, то есть в подразделении, отвечавшем за безопасность королевской семьи, членов правительства и всех других почти столь же высокопоставленных персон, у которых при различных обстоятельствах могла возникнуть необходимость в услугах персональных охранников. В повседневной речи и в здании, где они базировались, их всех называли «телохранителями», пусть от большинства из его сотрудников никто в принципе не ожидал, что они успеют выстрелить первыми или, в худшем случае, примут на себя пулю, предназначенную для объекта их защиты.

В понедельник 3 июня Дан Андерссон вошел в свой кабинет только после обеда, просидев все утро на всевозможных совещаниях. Заметив толстый конверт, полученный из полиции Вестерорта, он сначала собирался попросить секретаршу позаботиться о нем, даже не вникая в его содержимое и не разбираясь, какую важность он представляет. Но не стал изменять себе и поступил совсем наоборот. Он с ухмылкой ознакомился с решением Бек-стрёма, прочитал анонимное заявление, вздохнул в первый раз, полистал аукционной каталог, даже не удосужившись надеть пластиковые перчатки, и в довершение всего просмотрел материалы расследования, проведенного инспектором Йенни Рогерссон по данному делу. И за последним занятием он вздохнул уже неоднократно.

«Йенни Рогерссон, – подумал Дан Андерссон. – Скорее всего, кто-то из недалеких деток бедолаги Яна Рогерссона, пытающихся любой ценой стать полицейскими, как папа. И как раз в данном случае одно такое чадо, похоже, работает у Эверта Бек-стрёма. Дочка того самого Яна Рогерссона из Государственной криминальной полиции, который по его собственному утверждению и согласно сложившемуся у коллег мнению являлся единственным другом Эверта Бекстрёма в организации, на сегодняшний день насчитывавшей двадцать тысяч полицейских.

Весьма странное совпадение, решил Дан Андерссон и вздохнул в последний раз, прежде чем начал наполнять свой портфель бумагами, необходимыми ему для следующего совещания.

В последние недели перед знаменательной датой на комиссара Андерссона и его коллег всегда наваливалась масса работы. В национальный праздник Швеции 6 июня почти все их главные объекты защиты из двора и правительства обычно принимали участие в различных общественных мероприятиях, и сам день, кроме того, считался критическим с точки зрения теории и практики, лежавшей в основе их работы. Прекрасный случай излить все свои эмоции по поводу Швеции и живущих в ней. Крайне важный день чисто в символическом смысле, совершенно независимо от того, кто и каким образом будет выражать свои чувства.

– Только намекни, если я могу чем-то тебе помочь, – сказала его секретарша, когда он, спеша по делам, вышел из своего кабинета.

– Коллеги из Сольны прислали конверт со всевозможными данными относительно некоего барона фон Комера, якобы получившего по башке перед дворцом Дроттнингхольм четырнадцать дней назад. Он, похоже, каким-то непонятным образом имеет отношение ко двору, поэтому лучше проверить все согласно стандартной процедуре, конверт лежит на моем письменном столе, – сказал Дан Андерссон, кивнул и улыбнулся.

– Я сразу же все организую, – заверила его секретарша.

– Не торопись, дело не спешное, – охладил ее пыл Дан Андерссон и добавил: – Похоже, обычная дребедень.

Всего неделю спустя он станет корить себя, размышлять о том, что ему следовало сказать нечто совсем иное, и тогда это, конечно, отразилось бы на случившемся потом.

## 31

Лиза Ламм начала встречу в адвокатском бюро «Эрикссон и партнеры» точно в той манере, о какой она и говорила Аннике Карлссон, пока они сидели в машине.

Держалась очень дружелюбно и прежде всего выразила сочувствие по поводу постигшей их утраты. А потом постепенно перешла к тем практическим проблемам, которые подобное печальное событие, к сожалению, обычно тянуло за собой. И которые, в ее понимании, лучше всего было бы решить при полном согласии, как можно быстрее и без необходимости даже на короткое время прерывать их деятельность.

Пять минут спустя все пошло точно, как она и опасалась. Сначала разразилась постепенно приобретающая все более резкие формы дискуссия, касавшаяся самых разных юридических тонкостей, которая быстро перешла в «обмен любезностями». Конкретно речь шла о четырех вещах, и в виде исключения все обстояло столь просто, что, по сравнению с прокурором, адвокаты имели относительно их прямо противоположное мнение.

Четыре вещи. Найденные в доме Эрикссона компьютер и телефон являлись собственностью фирмы и поэтому не могли стать предметом тех действий, какие прокурор явно собиралась предпринять с ними. То же самое, естественно, касалось обыска в кабинете Эрикссона, насчет которого прокурор уже приняла решение. Не говоря о собственных помещениях адвокатского бюро, если она сейчас могла прийти к мысли расширить границы поисков улики для себя и для полиции.

– Это же не так трудно понять, – констатировал ее одетый с иголки противник. – Нет ведь никаких предпосылок для изъятия чего-либо или обыска в офисе. Надо просто прочитать процессуальный кодекс. Параграфы двадцать семь и двадцать восемь, и особенно двадцать девять, пункт один, поскольку нет и намек на явные причины, необходимые в нашей ситуации. Мы ведь говорим об адвокатской фирме, а не о каком-то наркопритоне, если прокурора это интересует, – добавил он с сардонической улыбкой, поправив аккуратный пробор небрежным движением левой руки.

Человека, взявшего слово, как только Лиза Ламм замолчала, звали Петер Даниэльссон. Он был на десять лет моложе Томаса Эрикссона, первым стал его партнером, когда тот основал свое бюро, и сегодня (судя по его жестуляции, словам и тому, как дружно коллеги кивали в знак согласия по поводу всего, что он говорил) уже взял бразды правления в свои руки.

Лиза Ламм знала его ранее. Они несколько раз встречались в суде в последние два года. Вдобавок ей было прекрасно известно, как упорно он трудился с целью создать себе такую же репутацию, как у его бывшего шефа, и что, похоже, удалось преуспеть, если судить по тем людям, чьи интересы он обычно представлял.

– Если мы пойдем по порядку, то у меня другая точка зрения, – сказала Лиза Ламм.

– Точно как я и мои коллеги опасались, – констатировал адвокат Даниэльссон.

– Позволь мне высказаться до конца, – перебила его Лиза Ламм и принялась перелистывать свои бумаги, напоминая ту умненькую папенькину дочку, какой отец Лизы, член Верховного суда, всегда хотел видеть ее. – С компьютером, найденным на месте преступления, все обстоит очень просто, – констатировала она. – Он является частной собственностью Эрикссона. Несмотря на наклейку на нем. Он использовал его прямо перед убийством, а если говорить о содержимом компа, по-моему, оно не имеет никакого отношения к той деятельности, которой вы занимаетесь в бюро. Как мне представляется, она в высшей степени личного характера, если тебя это интересует.

– Ты не могла бы выразиться точнее?

– Нет, – ответила Лиза Ламм и покачала головой. – Я не могу и не хочу этого делать. Относительно мобильного телефона все то же самое, хотя номер и числится за фирмой. Разговоры, которые убитый вел по нему, явно имеют значение для следствия.

– И на каких основаниях ты делаешь такой вывод, мы тоже не сможем узнать?

– Ты в праве обжаловать мое решение, – сказала Лиза Ламм и пожалала плечами.

– Мы уже занимаемся этим, – сообщил адвокат и сделал попытку подняться.

– Я еще не закончила, – остановила его Лиза Ламм. – Мои решения, касающиеся изъятия и мобильного телефона, и компьютера Эрикссона, таким образом, остаются в силе. С обыском в его служебном кабинете я, пожалуй, могу повременить, пока суд не скажет свое слово, но до тех пор он, естественно, будет опечатан, и, я полагаю, у вас сразу же найдутся возражения?

– Не беспокойся, – сказал адвокат с кислой миной и поднялся.

– Что касается возможного расширения обыска на другие офисные помещения, я вернусь к этому, если возникнет необходимость. У тебя есть что добавить, Анника? – спросила Лиза Ламм и посмотрела на Карлссон, за все время не произнесшую ни слова.

– Да, – сказала Анника и окинула взглядом сидевших за столом. – Нам придется допросить всех, кто работает здесь.

Короткий заключительный кивок Анники не оставил ни у кого сомнений относительно ее намерений, и сама она уже просчитала, где ей нанести главный удар. В комнате с ними сейчас находились десять человек из пятнадцати, которые работали в адвокатской фирме. Один болел, а остальные четверо либо протирали штаны в суде, либо занимались какими-то делами за пределами офиса.

Одна из присутствующих выглядела значительно более расстроенной, чем другие. К тому же она была самой молодой и красивой из всех.

«Он спал с тобой», – подумала Анника Карлссон.

### 32

После разговора с Йенни Бекстрём сначала собирался пройтись по своим помощникам и проверить ситуацию, но по причине обеда и поскольку ему пришлось вставать среди ночи, у него возникло желание отправиться домой и навестить свою кровать фирмы «Хестенс». А по дороге он решил посетить место преступления и посмотреть, что там можно сделать.

И сначала он достал свой служебный портфель, полученный в наследство от бывшего шефа отдела насильственных преступлений Стокгольма, комиссара Фюлкинга, тоже считавшегося легендой среди коллег. Довольно противоречивой личности, среди подчиненных известного как их собственный комиссар Хроник. Его портфель из коричневой кожи также имел свою историю. Согласно одной из классических полицейских баек Хроник однажды вынес в нем двенадцать литров шнапса в связи с облавой в нелегальном питейном заведении в Старом городе. И сейчас, в силу своей большой вместительности, он вполне мог пригодиться, если бы Бекстрём наткнулся на что-то интересное. Поэтому он решил прихватить портфель с собой и сунул в него свой ноутбук и немного разных бумаг по новому делу на случай, если кто-то из любопытных коллег заинтересуется, почему он таскается с ним.

На пути из офиса он остановился в дверях комнаты, где сидело большинство из его сотрудников. Они занимались своими делами, разговаривали по телефону, читали или работали за компьютерами. С целью привлечь их внимание, он хлопнул в ладоши, а затем задал общий вопрос. Не случилось ли чего-то, требующего немедленного вмешательства с его стороны? Судя по неразборчивому бормотанию и качающимся головам, ничего подобного не произошло, и Бекстрём позволил себе откланяться.

– О'кей, – сказал он. – Постарайтесь изменить это дело в лучшую сторону. Сам я поехал на место преступления осмотреть все еще раз в спокойной обстановке. Мы увидимся завтра.

– Может, шеф подвезет меня? – спросила Фелиция Петтерссон, которой требовалось заменить Стигсона и возглавить вечернюю смену опроса соседей убитого.

### 33

Вечер воскресенья в начале июня, и погода не подвела. Работы было не так много, и Ара Дости планировал закончить свою ночную смену еще до полуночи, а потом поехать домой в Щисту и поспать. Но ему неожиданно пришлось совершить рейс в Нючэпинг, расположенный в ста километрах к югу от Стокгольма, и когда он наконец вернулся, уже перевалило за половину второго.

– Надо в последний раз прокатиться мимо кабаков, – решил Ара и, проезжая мимо площади Стуреплан, заметил клиента. Тот стоял на проезжей части и махал ему, а потом попросил отвезти домой на Алвиксвеген в Бромме. Нормальный мужик, конечно, пьяный, как часто бывает со многими шведами, но хотя бы не стал болтать всякую чушь и задавать обычные вопросы о том, как Ара живет на новой родине и откуда он прибыл.

И как он отвечал бы на них? Родился в лагере беженцев в Смоланде, всю свою жизнь провел в Швеции и никогда не бывал на земле предков – в Иране. Но ничего такого не случилось на этот раз. Хороший клиент, давший ему приличные чаевые. И согласно распечатке таксометра, часы показывали десять минут третьего, когда он добрался на Алвиксвеген в Бромме.

Ара Дорси развернулся перед домом, около которого оставил пассажира, и, подкатив к перекрестку с Ольстенсгатан с целью повернуть налево и по кратчайшей дороге поехать в

направлении своего дома в Шисте, где его ждала теплая постель, чуть не влип в историю, поскольку узнал большую виллу у воды, и внезапно его мысли потекли в другом направлении.

Сюда он подвозил клиента всего полгода назад. Другого шведа, который тоже возвращался домой из кабака и, кроме того, был настолько пьян, что по пути заснул на заднем сиденье. Однако как только Ара остановился, он проснулся, выбрался из машины, вытащил солидную пачку купюр из кармана брюк и дал ему тысячную. А когда Ара попытался объяснить, что у него нет сдачи, пассажир просто покачал головой и отмахнулся от него, мол, ничего страшного.

Ара запротестовал и заявил, что это слишком много, поскольку такая поездка стоила всего лишь несколько сотен, но клиента подобное, похоже, нисколько не волновало. Он снова отмахнулся и, не без труда открыв калитку перед входом в свой дом, повернулся с широкой улыбкой.

– Тебе не стоит благодарить меня, – пробормотал швед. – Лучше скажи спасибо своим бывшим землякам из Ирана.

И когда он произнес последние слова, Ара узнал его, поскольку раньше однажды подвозил в Стокгольмский суд. Это был известный адвокат, он видел его по телевизору и читал о нем в газетах.

\* \* \*

Именно его Ара и вспомнил, повернув на Ольстенгатан, в то мгновение, когда все могло закончиться для него по-настоящему плохо. Мужчину, давшего ему почти тысячу на чай и, даже не спрашивая, определившего, что он из Ирана.

Из темноты между двумя припаркованными машинами прямо на дорогу шагнул другой мужчина, и Аре пришлось резко затормозить, иначе он наехал бы на него. Совершенно незнакомый, смеривший его быстрым и неприятным взглядом, прежде чем направиться к автомобилю, припаркованному против движения на другой стороне улицы. Он сильно прихрамывал на правую ногу, и несмотря на темноту Ара разглядел его достаточно хорошо, чтобы у него пропало всякое желание остановиться и высказать свое мнение о нем или даже показать ему в окно поднятый средний палец.

Выйдя на смену в два часа дня в понедельник 3 июня, он прочитал сообщение диспетчерской Стокгольмского такси. Полиция Сольны по причине убийства, случившегося в доме по адресу Ольстенгатан, 127, желала связаться со всеми водителями, в воскресенье и в ночь на понедельник выполнявшими рейсы в район Алвиксвеген – Ольстенгатан или сделавшими наблюдения, которые могли оказаться интересными для проводимого расследования.

«Убийство, – подумал Ара. – Не дай бог, парень с тысячной купюрой, адвокат». Он достал свой мобильник и набрал номер специального телефона полиции, предназначенного для приема информации от населения.

34

К великому сожалению Ары убили явно именно его клиента с тысячной купюрой. Он понял это, уже когда сидел в машине и слушал новости по пути к зданию полиции Сольны, где его очень захотели допросить.

«Интересно, сколь велико будет вознаграждение. Если убивают того, кто может дать тысячу на чай, как сделал этот адвокат, награда за помощь полиции в поимке его убийцы наверняка велика, очень велика», – подумал Ара.

\* \* \*

Инспектору Ларсу Альму было шестьдесят четыре года и девять месяцев, и он с нетерпением ждал спокойного лета. И через три месяца собирался выйти на пенсию. Пока же планировал взять отпуск и все накопившиеся у него отгулы, а за оставшийся месяц, не торопясь, очистить свой письменный стол.

Однако все получилось совсем по-другому, и, в худшем случае, ему грозило просидеть по крайней мере половину лета, занимаясь умышленным убийством адвоката, которого он и все другие коллеги, мягко говоря, недолюбливали. А взять больничный у него и мысли не возникло, слишком уж большую брешь в зарплате тот оставил бы при нынешнем законодательстве.

– Плюс еще жирный идиот Бекстрём, – пробурчал Альм, когда перелистывал бумаги, полученные им от молодого коллеги, принявшего сигнал. Явно кто-то из таксистов-иммигрантов позвонил на их специальный телефон и оставил сообщение, которое, по мнению Анники Карлссон, могло оказаться настолько важным, что они потребовали сразу же вызвать их источник информации в участок и с пристрастием его допросить.

«Он явно также пунктуальный, этот придурок», – подумал Альм, вздохнул и поднял трубку своего зазвонившего телефона.

– Альм, – сказал он.

– К тебе посетитель, он ждет внизу на ресепшн, – сообщил голос с другого конца линии. – Ты не мог бы спуститься и забрать его?

– А какой у меня выбор. – И Альм вздохнул во второй раз.

«Никакого кофе, никакой воды и никакой пустой болтовни, иначе ты можешь остаться здесь на полночи», – подумал Альм пять минут спустя, когда он и его свидетель расположились каждый со своей стороны письменного стола.

– Я могу взглянуть на твои водительские права и на распечатку с маршрутного компьютера, которую мой коллега просил тебя принести с тобой? – спросил Альм, одновременно входя в собственный компьютер.

«Черт, какое лето!» – подумал он.

– Пожалуйста, – ответил Ара. – Возьми также визитную карточку на случай, если понадобится мне позвонить.

– Откуда ты родом, Ара? – поинтересовался Альм, изучая права.

– Из Гношё, – сообщил Ара Досты. – Это в Смоланде. Хотя я живу в Стокгольме уже пятнадцать лет. Я написал домашний адрес на моей визитке, – сказал он и кивнул в направлении бумаг, которые только что передал Альму.

– Я спрашивал о другом, – уточнил Альм. – Я имел в виду откуда ты родом.

– Из Швеции, – ответил Ара Досты с наигранным удивлением. – Смоланд ведь находится в Швеции. Я думал, ты знаешь. Я родился и вырос в Смоланде. Ходил в школу там, а когда мне исполнилось восемнадцать, мы все (я, отец, мать, два моих старших брата, младший брат и две мои старших сестры) переехали в Стокгольм. Всего восемь человек, чисто переселение народов, – констатировал Ара Досты и дружелюбно улыбнулся Альму.

– О'кей, я услышал тебя, – сказал Альм и вздохнул: – Не мог бы ты своими словами рассказать о наблюдениях, сделанных тобой сегодня в два часа ночи после того, как ты высадил клиента на Алвиксвеген в Бромме. – «Еще один из всех тех, кто приходит сюда просто поиздеваться над нами, полицейскими».

Ара сумел рассказать всю свою историю менее чем за пять минут. Как он оставил пассажира перед домом, где тот жил, десять минут третьего. Развернулся на сто восемьдесят градусов, поехал назад и на перекрестке с Ольстенггата (примерно пять минут спустя) чуть не сбил мужчину, шагнувшего прямо на проезжую часть совсем близко от дома, где убили адвоката. За то же самое время он успел подробно описать незнакомца и автомобиль, в который тот сел.

– Он был моих лет, – сказал Ара. – Пожалуй, старше на год-два, тридцать пять примерно. Хотя значительно выше меня. Где-то метр девяносто. Синие джинсы, темная куртка, с непокрытой головой. Хромал на правую ногу, насколько я понял. Во всяком случае, держался за правое бедро правой рукой, когда чуть не оказался у меня на капоте. Суровый тип, если ты спросишь меня. Явно не подарок.

– Суровый?

– Не из тех, на кого можно, остановив машину, раскрыть рот, – объяснил Ара.

– Ты не узнал его? – спросил Альм. – Может, видел раньше?

– Нет. Откуда?

– Ты же таксист. Он был из иммигрантов или шведом? Что-то еще ведь, наверное, ты видел?

– Нет, – сказал Ара. – Он выглядел, как все сейчас выглядят. Зато у меня есть предложение. Если ты достанешь всякие там фотографии, какие ваш брат обычно показывает по телевизору парням вроде меня, может, я кого-то и узнаю. Что ты думаешь об этом?

– Автомобиль, в который он сел, ты в состоянии его описать?

«Здесь я задаю вопросы», – подумал Альм.

– Мерс, серебристого цвета, спортивный... низкий, широкий, дорогой, последней модели...

– Ты абсолютно уверен в этом?

– Да. На сто процентов. Я же таксист.

– Ты не успел рассмотреть номер? В зеркало заднего вида, я имею в виду.

– Нет.

– Что-то же, наверное, ты все равно видел? Ты ведь, похоже, успел понять многое другое, я имею в виду.

– Тот, кто сидел в машине, включил дальний свет мне в спину, как только я проехал мимо.

– Их было двое, выходит. В машине уже кто-то сидел?

– О'кей, – сказал Ара Дости. – Мы поступим так. Я попробую еще раз. Тот, кого я чуть не задавил, поднимался на тротуар, когда я проехал дальше. Другой, сидевший в машине, а она, значит, стояла припаркованной на неправильной стороне улицы, врубил фары на полную мне в спину, как только я миновал его. Я понятия не имею, как он выглядел. Я ехал прямо домой, спешил, если тебе это интересно. Что бы ты сам делал?

– Ага, – сказал Альм. – Ты больше ничего не хочешь добавить?

– Нет. Откуда.

– Тогда я объявляю допрос законченным, – констатировал Альм и посмотрел на свои часы. – Но перед тем, как мы расстанемся, я должен уведомить тебя об обязанности хранить тайну. Никому не говорить того, о чем рассказал мне. В противном случае ты совершишь преступление. У тебя есть вопросы?

– Фотографии? Когда мы посмотрим их?

– К ним мы еще вернемся, – сказал Альм. – Необходимо время на подготовку, как ты наверняка понимаешь. Я или кто-то из моих коллег позвоним тебе, когда подготовим все. Что-то еще?

– А как насчет вознаграждения?

– Нет, – сказал Альм и удивленно пожал плечами. – Почему оно должно быть? Наверное, хорошо ведь, что ты можешь помочь нам раскрыть серьезное преступление. Кроме того, твой гражданский долг выступать в роли свидетеля. Это касается всех нас. Даже таких, как я и мои коллеги, если хочешь знать.

– Но у меня ведь ушла на вас пара часов. А я работаю. И потратил мое рабочее время. Плюс телефонные разговоры и поездка сюда ради беседы с тобой. Тебе же платят за сидение здесь. Но никак не мне.

– Большое тебе спасибо от нас. – Альм кивнул, улыбнулся и встал из-за стола.

– Тогда у меня есть еще один вопрос, – сказал Ара.

– Да?

– Как становятся полицейскими? Как справляются с такой ношей? Это же, наверное, очень трудно?

Альм довольствовался лишь кивком.

«Берегись, парень», – подумал он.

Альм проводил Ару Дости вниз до ресепшн. По крайней мере, с целью убедиться, что он покинет здание.

– Мы позвоним относительно фотографий, – сказал он, когда они расставались.

Ара ничего не ответил. Просто пожал плечами и исчез за дверью.

«О чем-то я забыл, – подумал инспектор Альм, поднимаясь к себе на лифте. – Да какая разница, разберемся».

Альм провел остаток рабочего дня в тишине и покое, подытоживая результаты допроса Ары Дости. Потом он попросил свою молодую коллегу, занимавшуюся внутренним сыском, с помощью описания Дости сделать подборку фотографий преступников, которую кто-то впоследствии мог бы показать таксисту.

– Ты же можешь посмотреть, а вдруг под описание нашего таксиста попадут какие-то известные злодеи, владеющие серебристым мерсом или использующие такую машину, – предложил Альм.

– Что-нибудь еще? – спросила его молодая коллега.

«Интересно, почему все у нас на работе называют его Деревянной Башкой?» – подумала она.

– Не забудь взять с него подписку о неразглашении тайны, – сказал Альм, немногим ранее вспомнив, о чем он забыл.

Сев в машину, Ара сразу же позвонил своему товарищу, тоже таксисту. Его звали Кемаль, он был курдом и имел примерно ту же предысторию, как у него самого. Хороший парень, белый человек, если использовать терминологию истинных шведов. Пару месяцев назад Кемаль стал свидетелем ограбления инкассаторской машины. Сделал несколько неплохих фотографий на камеру своего мобильного. Позвонил напрямую в одну вечернюю газету, получил двадцать тысяч за свои хлопоты и рассказывал всем подряд, что полицейские – последние, к кому надо обращаться, если попадаешь в подобную ситуацию.

«Насколько глупы бывают люди», – подумал Ара, имея в виду самого себя.

## 35

В целях экономии времени допросы коллег Эрикссона начались прямо в офисе фирмы. Это предложил адвокат Даниэльссон, и Лиза Ламм не стала возражать. Анника Карлссон по

телефону вызвала четырех дознавателей из полиции Сольны, в то время как Даниэльссон подготовил небольшую совещательную комнату и три офисных помещения для них.

Как только ее коллеги прибыли, Карлссон отвела их в сторону и объяснила тактику. Всех в бюро требовалось допросить в плане получения информации и поодиночке. Сначала о том, как они попали в фирму и об их отношениях (как рабочих, так и личных) с адвокатом Эрикссоном, а также о том, чем они занимались в течение тех суток, когда Эрикссона убили. Их последний контакт с жертвой, естественно, и о чем в таком случае шла речь. Только затем следовало перейти к недовольным клиентам, недругам и всем прочим, кто по профессиональным или иным мотивам мог иметь причины избавиться от их жертвы убийства. Кроме того, она попросила проводить допросы в определенном порядке.

– Начните с компаньонов и помощников юристов, а остальными займитесь в последнюю очередь. И первым, я хочу, чтобы вы побеседовали с Даниэльссоном, – сказала Анника Карлссон. – Похоже, он – новый петух в этом курятнике. Особенно не церемоньтесь с ним, и лучше, если вас будет двое. С остальными надо разговаривать с глазу на глаз, и хорошо, если бы вы управились со всеми до того, как уйдете отсюда. С тем, кого нет на месте, мы разберемся позднее и, насколько удастся, быстро. Вопросы?

Одобрительное бормотание и качание головой. Никто ничего не спросил. А через три часа все было закончено, и Анника Карлссон получила первый отчет о ситуации по телефону от инспектора Юхана Эка.

– Распечатки будут у тебя самое позднее завтра до обеда, – начал он, – но в двух словах все обстоит следующим образом. Если ты в состоянии слушать...

– Я слушаю, – сказала Анника Карлссон.

– Эрикссон, похоже, был просто ангелом во плоти, – констатировал Эк. – Ни одного дурного слова о нем. Все у него на работе глубоко скорбят, а одна из их паралегалш, это секретарши с незначительным дополнительным юридическим образованием, если я все правильно понял, по-моему, выглядит даже чересчур печальной.

– Изабелла Норен, – констатировала Анника Карлссон. – Судя по всему, она имела виды на своего бывшего шефа. Или, по крайней мере, определенные амбиции.

– Наше мнение по этому поводу явно совпадает, есть дополнительный предмет для разговора. Что мы делаем с ней? Об этом ведь я не спрашивал.

– Оставим ее в покое еще на сутки, а потом поговорим чуть более обстоятельно, – предложила Анника Карлссон. – Я даже, пожалуй, могу поучаствовать.

– Отлично, – сказал Эк.

– У тебя есть еще что-нибудь?

Ничего сверх ожиданий, если верить Эку. У всех имелось алиби на выходные. Последним разговаривал с жертвой адвокат Даниэльссон. Он звонил Эрикссону около полудня в воскресенье с целью обсудить различные дела, намеченные на следующую неделю, которые все вместе и по отдельности никак не могли привести к гибели Эрикссона. И это, естественно, очень устраивало его, поскольку они также подпадали под понятие адвокатской тайны.

– Можно представить себе, – сказала Анника Карлссон.

– Да, и согласно тому же источнику убийство Эрикссона – настоящий вызов всему нашему правовому обществу, и объяснение, возможно, состоит в том, что и клиенты Эрикссона, и их противники были очень довольны им. С единственным исключением, но его нам чуть ли не клещами пришлось вытаскивать из не жаждущего сотрудничать адвоката.

– И кто это?

– Фредрик Окаре, урожденный Окерстрём. Бывший председатель «Ангелов Ада» в Сольне. Ныне почетный председатель того же общества энтузиастов-мотоциклистов среднего возраста. Любитель стоять в седле с распущенными по ветру волосами, поскольку у него есть справка от врача о том, что из-за проблем с перхотью он не может носить шлем, – закончил Эк.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.